

ОКТАБРЬ 30 ВОСКРЕСЕНЬЕ 1938 год № 60 (767) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

В дни, когда вся страна празднует двадцатилетний юбилей комсомола, с особенной силой звучат сталинские слова: «Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи».

Всегда с партией! С первого же дня своего зарождения комсомол целиком отдал себя на службу революции, верно, честно, непоколебимо стоял за генеральную линию партии Ленина — Сталина, чья мудрость и гениальность пронизывают все этапы деятельности коммунистического союза молодежи.

Молодое поколение не шло своей жизни для блага родины, оно знало, что будущее принадлежит ему, что именно они — сыны и дочери трудового народа — в полной мере воспользуются плодами революции, увидят расцвет коммунизма. История комсомола неотделима от истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Ленин говорил, что задача всей жизни молодежи — строительство коммунистического общества. Гениальной рукой мастера революции Ленин нарисовал портрет молодого человека нашей родины, современного образованного человека, вся жизнь которого подчинена борьбе за коммунизм.

Советский молодой человек — это всесторонне образованный человек. Он ставит себе целью обладать всеми знаниями, которые выработало человечество. Он — высокообразованная личность. Его жизнь и борьбу вдохновляют образы величайших людей нашей героической эпохи — образы Ленина и Сталина.

Большевистская идейность и принципиальность, преданность родине, непримиримость ко всем врагам народов СССР — эти качества партия воспитывает в молодом поколении.

Вихрь энергии партийных и непартийных бойцов, людей смелых творческих исканий, привлекает к себе взоры и вызывает уважение к нам всего прогрессивного человечества. В легендарных полетах наших летчиков, полетах, открывающих новую эру в истории авиации, в героизме наших бойцов, прогнавших с советской земли японскую свору, в зрелости наших творений в науке, в искусстве, — во всех наших делах и подвигах трудились человечество справедливо видит рост новой цивилизации.

Бельгийский студент, восторженный изумительной игрой комсомольцев Эмиля Гильельса и Якова Флиера, воскликнул в восторге: — Что это за страна, что это за строй, который во всех областях создает подобных людей!

И ему с гордостью ответил депутат Верховного Совета РСФСР, комсомолец Зинаида Федорова: — Я возмуж на себя смелость сказать бельгийскому юноше: это — страна большевиков партийных и непартийных, это — советский строй, это — партия Ленина — Сталина, ведущая страну от победы к победе!

Мы живем в великую эпоху строительства социализма, вдохновляющую миллионы людей на героические подвиги. Высший закон нашей жизни — это любовь к родине, чувство, которое проявили герои Хасана, летчики, пролетевшие от Москвы до Дальнего Востока, чувство, которое владеет советским человеком. В нашей стране, где воплощено моральное и политическое единство народа, каждое общественное явление неизбежно становится в центре внимания всех трудящихся. В последние времена мы были свидетелями и участниками замечательных событий. Юбилей комсомола, награждение героев Хасана, встреча в Москве героинь-летчиц Гризодубовой, Осипенко и Расковой, 40-летие Художественного театра, — все это звенья одной цепи, все это мы расцениваем, как торжество советского патриотизма, торжество идей Ленина — Сталина.

Велика и ответственна роль советских писателей, перед которыми Алексей Максимович Горький поставил задачу «отобразить в литературе героя — чудесного, необычного даже в сказке, героя, который хочет перестроить мир... Это будет великой силой типа, посланное, пожалуй, чем создавал когда-то и Шекспир».

Путеводной звездой в жизни нашего народа и его молодого поколения является большевик, учение Ленина — Сталина. Советская молодежь должна овладеть историей Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). — этим великим сталинским повествованием о героической борьбе и победах партии и бессмертного народа. И вперед самоотверженно выполнять свой долг перед Советской родиной и международным пролетариатом и вперед держать высоко знамя Ленина — Сталина и с честью нести его до победного конца нашей великой борьбы, — вот благородная и почетная миссия всей советской молодежи.

27 октября состоялся торжественный вечер, посвященный 40-летию Московского дважды орденосного академического Художественного театра СССР имени А. М. Горького. На снимке: руководители партии и правительства среди старейших работников театра. В первом ряду (слева направо): заслуженная артистка РСФСР С. В. Халюткина, народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, народный артист СССР И. М. Москвин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, народный артист СССР В. И. Качалов, А. А. Андреев. Во втором ряду: народная артистка РСФСР Л. М. Коренева, гример М. А. Гремиславская, заслуженный деятель искусств РСФСР Б. Л. Изралевский, народный артист СССР Л. М. Леонидов, А. А. Жданов, заслуженный деятель искусств РСФСР Н. А. Подгорный, Н. С. Хрущев, Н. И. Ежов, директор МХАТ Я. И. Боярский, А. И. Микоян, Н. А. Булганин и машинист сцены И. И. Титов. Фото С. Шингарева.

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ Приветствие в день двадцатилетнего юбилея ВЛКСМ

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) приветствует Ленинский Комсомол в день его двадцатилетия.

За двадцать лет Комсомол прошел славный путь борьбы и побед. Комсомол воспитал десятки и сотни тысяч замечательных советских людей, мужественных, бесстрашных бойцов Советского народа, лучших представителей молодого поколения рабочих, колхозников, советской интеллигенции, не павшая рук работающих во всех отраслях социалистического строительства — в армии и в школе, на стройках и на заводах, в совхозах и колхозах, в области науки, техники и искусства, в Советах, в профсоюзных, в кооперации.

Эти успехи Комсомол добился потому, что он всегда боролся под руководством большевистской партии, высоко держа знамя Ленина — Сталина, объединяя вокруг него миллионы трудящейся молодежи, всегда являясь верным помощником партии, ее боевым резервом.

Эти успехи были бы более значительными и всесторонними, если бы ЦК ВЛКСМ не допустил в последнее время ряд серьезных ошибок в деле идейного воспитания молодежи, очищения Комсомола от враждебных элементов и выдвижения

новых кадров комсомольских работников на руководящую работу.

ЦК ВКП(б) желает Ленинскому Комсомолу успехов в деле воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, в духе непримиримой борьбы с врагами народов СССР, в духе дальнейшего укрепления братских уз солидарности между трудящимися всего мира.

ЦК ВКП(б) уверен, что вооруженный учением марксизма-ленинизма, Комсомол проявит еще больше инициативы и дисциплинированности во всех областях социалистического хозяйства и культуры, в деле усиления обороноспособности нашей страны, укрепления нашей армии, нашего флота, нашей авиации.

ЦК надеется, что Комсомол и впредь будет самоотверженно выполнять свой долг перед Советской родиной и международным пролетариатом.

Да здравствует советская молодежь!

Да здравствует Ленинский Комсомол!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

Поэты — комсомолу

М. СВЕТЛОВ

Молодость, лучшая на земле! Счастья и мужества урожай! Нечисть земли копошится во мгле, — Молодость наша, — тебе угрожаю!

Крепче винтовку обнимет ладонь И полетит, развевая знамена, Юность, помноженная на огонь, И разделенная на эскадроны.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

В ногу с партией твердо иди, Будь всегда и везде впереди, Будь отважным в труде и в бою, Пусть враги знают силу твою.

Рухлядь старую смело ломай, Знамя Ленина выше вздымай, Имя Сталина в сердце храни, Звонкой песней над миром звени.

Большевистское слово — держи; Пионерам примером служи, Будь надеждой и славой страны, Авангардом всемирной весны!

Александр ЖАРОВ

Не в тебе ль мой верный путь отыскан, Что к высотам партии привел?.. Каждой песней, молодежи близкой,

Каждой каплей крови Большевистской Я тебе обязан, комсомол.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Ты — наша слава, наша честь, Ты — наших двадцать лет. Ты — наша юность, наша песня, Которой звонче нет! Ты — имя храбрых сыновей Великой родины моей.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Ты двадцать лет прошел в бою. Тебя страна моя растила. Я песню радости пою И славою молодость твою, — Всемирной молодости сила!

Алексей СУРКОВ

Бессмертие дано большевикам. Не стынет кровь, не убывает сила. Двадцатилетие, равное векам, Нас не состарило, не износило. Два ордена на знамени твоём, Два славных знака доблести и чести.

Мы вместе песни радости поем И песню боя мы поднимем вместе.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Эту дату, это счастье Я б хотел воспеть, признаюсь, Лучшим голосом в строю. В первый раз с такою страстью Я испытываю зависть К робкой птице — соловью!

Маргарита АЛИГЕР

За то, что ты слабого делал уверенным, сильным, твердым, за то, что в тебе пылает юношеский непокой, за то, что ты вел нас прямо навстречу тревогам и нордам, на трудных путях поддерживая бережною рукой, за мужество, смелость и честность в глазах твоих доброго света, за то, что поля зацветают, растут города вокруг, я сердцем, поющим от счастья, спасибо скажу за это, тебе, молодой и мудрый, двадцатилетний друг.

Иосиф УТКИН

Как ослепительно, как ярко Горит звезда твоих побед! Каким же праздничным подарком Тебя почту? Достойных нет. Но знак подай. И без укора, Тобой воспитанный в борьбе, Я жизнь отдам свою, Которой Мы все обязаны тебе.

ПРАЗДНИК КОМСОМОЛЬСКОГО ПЛЕМЕНИ

Торжественное собрание в Большом театре, посвященное 20-летию ВЛКСМ

Знаменательная дата — двадцатилетие Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи — была отмечена вчера в Москве юбилейным пленумом Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи совместно с общественными организациями, состоявшимся в Большом театре СССР.

Радостное, праздничное настроение, парящее в зале, неожиданно выливается в бурную, длительную оvasию. Все присутствующие встают и восторженно встречают появление товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Андреева, Микояна, Ежова, Жданова, Хрущева, Булганина, Косарева, Буденного, Шверника.

Несутся возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Привет Сталину!», «Товарищу Сталину — комсомольское «ура!».

Овазия длится многие и многие минуты. Собранные пламенно приветствуют вождя, учителя и друга советской молодежи, руководителей партии и правительства, Центральный Комитет могучей большевистской партии, которая под руководством Ленина и Сталина вместе возмужала и выросла в многомиллионный комсомол.

Секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ тов. Косарев произносит краткую вступительную речь. Он говорит о двадцатилетнем пути ленинского комсомола, воспитавшего многочисленные кадры преданных помощников большевистской партии и правительства Советского Союза в борьбе за социализм, за победу дела Ленина — Сталина.

Сегодня мы ленинский комсомол подводим итоги своей работы. Прошедший путь был богат. Но нас, членов нашей организации, ждут вперед еще более сложные, еще более ответственные задачи, — говорит тов. Косарев. — Вооружившись большевистской критикой и самокритикой, беря пример с большевистской партии, с Центральным Комитетом партии, ленинский комсомол до конца сумеет вскрыть все ошибки, недостатки в своей работе, до конца сумеет уничтожить троцкистско-бухаринские шпионов и вредителей, которые обманым путем пробрались в ряды наших организаций.

Избирается почетный президиум. Снова многие минуты гремят горячие рукоплескания, возгласы «ура». В почетный президиум избираются товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Жданов, Ежов, Хрущев, Димитров, Тельман, Хозе Диас.

С огромным воодушевлением и подъемом собрание принимает приветствие товарищу Сталину. Слово для доклада получает тов. Косарев. После доклада тов. Косарева с большой речью выступил секретарь Центрального Комитета ВЛКСМ (б) тов. А. А. Жданов, встреченный бурными, продолжительными аплодисментами.

Собрание приняло приветствовать передовые стахановцы Москвы, Ленинграда и представители советской интеллигенции.

Слово от стахановцев города Ленина и Ленинградской области предоставляется тов. Сергееву.

Он вспоминает о славной героической борьбе советской молодежи во главе с ленинским комсомолом на военных, хозяйственном и культурном фронтах. — Ленинградские комсомольцы, — възвращает тов. Сергеев, — всегда с честью выполняли стоявшие перед ними задачи.

Сегодня мы торжественно обещаем Центральному Комитету коммунистической партии и товарищу Сталину, что ленинградская комсомольская организация, как и весь ленинский комсомол, будет воспитывать молодежь на великом сталинском повествовании — История ВЛКСМ(б), рассказывающей о героических делах нашей партии, нашего народа в борьбе за коммунизм.

Мы будем и впредь держать высоко знамя Ленина — Сталина и с честью будем нести его.

От имени советской интеллигенции выступает молодой профессор депутат Верховного Совета РСФСР тов. Соболев. Он говорит:

— Благодаря успешному вниманию партии и правительства, отеческой заботе вождя народов товарища Сталина за годы советской власти сотни тысяч людей поднялись к нам к вершинам знания, овладели разносторонними видами искусства и культуры.

Наша интеллигенция в массе своей вышла из трудового народа. Она крепко связана с советским народом. Она служит делу равноправным членом социалистического общества. У советской интеллигенции нет и не может быть иных задач и иных интересов, кроме задач и интересов социалистического строительства, интересов нашей великой родины, всего советского народа.

С большим воодушевлением встречает собрание делегацию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Приветственную речь произносит Герой Советского Союза тов. Бременко.

— История ленинского-сталинского комсомола, — говорит тов. Бременко, неразрывно связана с историей нашей большевистской партии, с именами великих вождей человечества — Ленина, Сталина.

— Радостно живет наша советская молодежь! — възвращает тов. Бременко. — Она знает, что нужно крепко оберегать свою замечательную, счастливую жизнь от врагов народа. Она крепко помнит, что безавгветная заплата социалистического отечества, укрепление его могущества — славная и самая святая обязанность гражданина СССР. Об этом говорит героизм и подлинный патриотизм товарищей на Дальнем Востоке.

Мы помним о капиталистическом окружении. Мы всегда готовы в защите родины. Никакие случайности и никакие фокусы наших внешних врагов не могут заставить нас врасплох.

В зал входят с цветами пионеры и школьники Москвы. Они приветствуют славного юбиляра — ленинского-сталинского комсомола. Звонко и радостно по залу раздаются задорные голоса.

— Товарищи комсомольцы! Хотя мы чуть-чуть и не дошли до вас, но ваш праздник это — наш праздник...

Пионеры и школьники благодарят Всесоюзную коммунистическую Партию большевиков и товарища Сталина за счастливое радостное детство.

Торжественное собрание послало приветствия Центральному Комитету ВЛКСМ(б), товарищам Молотову, Ворошилову, Погодину, Коммунистического Интернационала — тов. Димитрову. Собрание приняло обращение ко всем комсомольцам комсомолам, ко всей советской молодежи. В заключение был дан большой концерт.

СЧАСТЬЕ БЫТЬ МОЛОДЫМ!

СОВЕТСКАЯ БЫЛЬ

Мой отец, Павел Будашкин, калужский крестьянин-бедняк, пастух, потом малый-отходник, был человеком музыкально-одаренным. Он самоучкой играл на балалайке, гитаре, мандолине и даже на скрипке. И не только играл, но и мастерил инструменты. Помню, на базаре, за лепешку, отец купил старый гриф, и в домике нашем скоро заиграла самодельная мандолина. На досуге, без посторонней помощи, отец одолел и нотную премудрость. Но все пути в музыку рабочему человеку были наглухо закрыты в царской России. Так и остался отец самоучкой, любительским, «скрипешником» на своей убогой скрипке...

Такова судьба наших отцов. Помню, с каким жаром старались они передать мне свою нехитрую «музыку».

Судьба забросила отца на заработки в Читу. Здесь семья маляра Будашкина встретила Октябрьскую революцию. И началась новая жизнь, жизнь советских людей, такая жизнь, о какой отец мог только мечтать.

Я окончил в Чите фабзавуч. По примеру отца очень рано приобщился к балалайке.

Вместе со своими братьями я отдавал часы досуга самодеятельному железнодорожному оркестру. Меня заинтересовала теория музыки. На работе в кузнице я размышлял над бивентами...

В домброво-балалаечном оркестре в Чите я стал завсезонным оркестрантом. И тогда, в 1929 г., в моей жизни рядового рабочего юноши, комсомольца, произошло событие, возможное только в Советской стране.

— Хотите поехать в Москву, на музыкальный рабфак? — спросили меня в Дорпрофсозе.

Мне вручили путевку. В поезде я лихорадочно изучал учебник теории музыки, — музыкальный рабфак казался мне таким желанным и в то же время почти недоступным.

В Москве я мучительно решал вопрос — на какой факультет поступить? Прежде я пробовал сочинять пьесы для мандолин, гитары. Но наш членинский кружок обещал со мною крест...

— Брось, все равно Чайковский не будешь.

Очень перепуганно показал я свои первые сочинения на испытаниях в Москве. Экзаменатор, композитор М. Ф. Гнесин, оценивая эпизодическое кружковое — меня зачислили на композиторское отделение.

Как закинула учеба!

Я окончил рабфак за два года и перешел в Консерваторию. Учился у проф. Александрова, Глери, Шехтера, и, наконец, появилось первое мое «композиторское» консерваторское творение — «Мордовская сюита».

Музыкальное образование мне посчастливилось закончить под руководством Николая Яковлевича Масковского. Учась у него, я начал свою первую симфонию, которую писал целых три года. С чувством огромной благодарности вспоминаю а уроки замечательного педагога Масковского. Указывая ошибки, он всегда добивался от учеников, чтобы они сами находили правильное решение.

Окончена Консерватория, и передо мною открылись широкие творческие просторы. Я написал «Пряничную увертюру», которая признана достойной для исполнения. После первой симфонии начал работу над второй, на русские темы. Задумал оперу «Степан Разин» по либретто Т. Дружинина.

Оглядываясь на пройденный путь, я вижу, что всем, чего я достиг, обязан нашей партии, нашему славному комсомолу, который воспитал меня. Родные и любимому Сталину отдана вся моя жизнь, все мои творческие мысли.

Композитор-комсомолец
НИКОЛАЙ БУДАШКИН.

КАК Я СТАЛ ДЕТСКИМ ПОЭТОМ

В один из весенних дней, лет пять назад, потянуло принос мне повестку: меня пригласили зайти в пионерский отдел Московского комитета комсомола.

Зачем это меня вызывают в МК, да еще в пионеротдел?

— Выше спроси — к кому обратиться. — Вы — поэт Михаилков? Хотите участвовать в нашем конкурсе на пионерскую поэзию?

Предложение застало меня врасплох. Но мне не хотелось отказываться.

— Я никогда не писал для детей. — сказал я нерешительно. — До сих пор я писал только «взрослые» стихи... Мне бы надо поближе познакомиться с ребятами, пожить в их среде...

— Это не так трудно устроиться, — отвечала девушка. И через несколько дней с путевкой МК в кармане я отправился в митинговский пионерлагерь.

Мы дружно прожили шесть недель. Дети оказались прекрасными товарищами. Мы вместе удили рыбу, зажигали костры, ходили в дальние прогулки.

Я сидел в лагере не зря: три пионерские песни — «Песня о Павле Морозове», «Песня о пионере — стороже урожае» и «Песня о пионере-баранщике» — были написаны, помещены на музыку композитора Сабо, и все три премированы на конкурсе.

Повидавшему, думая, я мне удалось найти тон разговора с детьми и о детях, простые и искренние слова для детской песни. Почти тотчас же, с каким-то особым увлечением стал писать детское стихотворение. И написал «Дядю Степу».

С тех пор я почти перестал писать «взрослые» вещи. Я начал для себя более близкую область, работал много и с увлечением. Только за два с половиной года, с тех пор, как шефом детской литературы стал ИВ ВАСИМ, я написал 23 книжки, у меня вышло на русском языке и языках народов СССР 53 издания.

Я, конечно, не раз после моей плодотворной поездки в митинговский пионерлагерь бывал, как и всякий детский писатель, в гостях у пионеров. И вот однажды летом отправился в Артек. Это было в 1935 году. Я приехал неожиданно, без предупреждения. Ребята и взрослые встретили меня очень приветливо, но не успел я прийти в себя с дороги, как случилось следующее происшествие.

Во двор лагеря въехал татарский мальчик, весь в пыли. Пыла от указывал рукой в сторону Аю-Дага. С трудом удалось уловить, что речь шла о его отстрелке, с которой он отлучился по другой стороне тропинки. Он не заметил, как она исцезла, и не знает, заблудился ли она, или, оступившись, свалился в ущелье.

Видно лето — мальчишка прибежал к нам за помощью, и мы немедленно отправились на розыски девочки в то место Аю-Дага, куда повел нас бедный мальчик.

Часа три мы потратили на напрасные поиски, и устали, а еще больше огорченные тщетными усилиями, испарившимися и в пыли, решили вернуться в лагерь, чтобы, оставив там детей и заис-

шив всем необходимым, отправиться в попутную экспедицию.

Подошли к лагерю, мы увидели у ворот ряд автомобилей.

Как только вошли — узнали: в лагерь неожиданно приехал Вячеслав Михайлович Молотов.

Едва услышав имя, пионеры, забыв об усталости, со своим отрядом нарядом виле, кинулись вперед и присоединились к ребятам, окружающим товарища Молотова. Какая неожиданная радость для артековцев! Кто бы мог думать! Товарищ Молотов, по дороге в отпуск, без всяких предупреждений заехал в Артек проводить маленьких советских граждан.

Перебрав друг друга, они снесли раскрасить Вячеславу Михайловичу о событиях своей жизни. Он слушал их с приветливой улыбкой, расширял об их делах.

Я подумал: где, в какой еще стране это возможно? В пионерлагерь запросил приезжал глава правительства великой страны. Никто не готовил ему встречи, никто не провозил торжественных речей. Его принимали, как друга, как отца.

Только у нас, где народное правление живет в тесной близости с массами, возможна столь возмущенная культура общения, столь широкая и подлинная демократия!

...Случается сумерки. Мы только собрались отправиться в горы, чтобы возобновить поиски девочки, как стало известно, что она зашла в деревне.

С. МИХАЛКОВ

МОИ МЕЧТЫ СБЫЛИСЬ!

В детстве я мало спал. Ночью, когда все в доме стихало, я доставал из-под подушки пачку линейки и начинал джигитовать.

Маленькая темная детская превращалась в ослепительный концертный зал. Стоя на астрале, я чувствовал себя среди дышащих огромной толпы, впереди в ожидании замер оркестра. Я подымаю дирижерскую палочку, и воздух наполняется прекрасными звуками. Звук льется сильней и сильней, Форте, Фортиссимо!

...Но тут обычно притворялась дверь, и встревоженная мать прерывала концерт на самом интересном месте:

— Ты опять размахиваешь руками и поешь по ночам вместо того, чтобы спать? Ты опять взял линейку? Сейчас же отдай и уходи через две минуты!

Днем у меня тоже были важные дела. Я написал пьесу о человеке, который хочет учиться музыке и становится большой знаменитостью.

Премьера этой пьесы состоялась в параллельном доме, в спектакле были заняты все ребяташки с нашего двора. Декорации и художественное оформление состояли из ковриков, тайком унесенных из дому. Я играл главную роль музыканта и умудрился одновременно быть суфлером.

Мои детские мечты были всецело поглотены музыкой.

И я стал учиться музыке.

Помню свое первое выступление. Семилетний ученик Одесской музыкальной школы, я поднялся на астрале для того, чтобы сыграть до-мажорному сонату Моцарта. Свали в торжественном ожидании сидели родители и педагоги. На школьный концерт пришла знаменитый композитор Гречанинов. В руках все держали настоящие печатные программы. На программе, которую я увидел впервые в жизни, было написано: «Соната Моцарта пьес. М. Я. Гилельс». Я решил, что «спси», это значит испанский и был очень удивлен. Я кончил играть. Роль стоял у самого окна. На дерево за окном прыгали красивые птицы. Забыл, что это астрале, а с большим интересом стал разглядывать птиц. Тогда ко мне подошли и тихо предложили поскорее уйти со сцены. Я неохотно ушел, оглядываясь на окно. Так кончилась мое первое выступление.

По-настоящему работать, серьезно учиться начал я рано. В 9 лет я дал свой первый концерт. С самых ранних детских лет я был окружен бережной заботой партии и правительства. Лучшие педагоги Союза учили меня великому искусству музыки. Я никогда ни в чем не нуждался. Страна всегда давала мне прекрасные роли для игры, музыкальную литературу, творческую и материальную помощь.

В Вене и Брюсселе, где я бывал на международных конкурсах пианистов, я слышал много рассказов о том, как де-

лается карьера музыканта на Западе. Совершенно случайно неизвестного бедного пианиста услышал богатый меценат. Восхищенный его талантом, он принимает участие в судьбе юного музыканта и создает ему славу.

Французские, немецкие, английские и другие знаменитые слушатели такие рассказы с восторженной завистью. «Ах, счастливец! Вот повезло!» И слушая эти сказки, я всегда горделиво соображал: в нашей стране нет таких «счастливых случаев». Каждый, кто действительно талантлив, уверен, что его ждет вперед всеобщее признание, большая творческая жизнь. Для этого не нужны случайные встречи. Нужна лишь одна встреча на концертной площадке со слушателями Советского Союза.

Мне 22 года. С семнадцати лет я комсомолец. К 20-летию комсомола я пришел лауреатом двух международных конкурсов пианистов и педагогом Московского консерватории. Вся моя жизнь сейчас — работа! Каждая минута ее отана музыке. Много раз езжаю. Даю концерты в Тбилиси, Ленинграде, Клеве и т. д. Выступаю в красноармейских частях, в железнодорожных клубах, рабочих домах культуры, у педагогов, врачей, химиков. Сейчас устраиваю концерты для комсомольцев. Перед выступлением беседую с товарищами по комсомолу, рассказываю им о своей работе. Но я плохой оратор... Мне значительно лучше дается говорить музыкой.

Мне бы хотелось изучить всю фортепианную литературу. Знаю, что это мечты. Эта литература так же колоссальная, как и клиная. Хочется изучить душу каждого композитора. Я работал над Бахом, Листом, Шопеном. Теперь изучаю Шумана, хочу дать концерт из его произведений.

В свободные часы — читаю. Меня сильно увлекает древняя история, особенно история Египта. Собираю материалы по Египту. Развезая по СССР, захожу в музеи и прежде всего бегу в египетские отделы.

Хочется знать культуру древних эпох, хочется быть хорошим педагогом и передать молодым консерваторам то, что мне дали лучшие профессора Союза.

Смею желать так много? Но ведь страна уже дала мне в 22 года все то, о чем и мечтал когда-то пятилетний мальчишкой.

Я счастлив и потому, что я стал тем, чем я хотел, и потому, что вперед молодежь, любимая работа. Вперед те вершины музыкального творчества, в которые я упорно стремлюсь. В нашей стране это доступно каждому. Стоит только знать тот путь, по которому хочешь идти.

Пианист-комсомолец
ЭМИЛЬ ГИЛЕЛЬС

ШИРОКАЯ ДОРОГА

На Западе, во Франции, вышла книга «Несчастье быть молодым». Эта книга — зеркало жизни молодежи в странах капитализма, это документальная и страшная история молодого человека XIX столетия.

Герой замечательного романа Стендаля погибал в борьбе за свое место в буржуазном обществе. Герой балзаковской эпопеи пришел к успеху путем преступлений и подлости. Потомки Жюльена Сореля, Растиньяка и им подобных — сегодня еще менее счастливы: врах иллюзий, габель надежды ожидает их у самого входа в жизнь. Молодость в странах, где правят еще фашистские «фореры» Гитлера, Муссолини, стоит перед тремя дорогами: либо — отсутствие перспектив, тупое угасание; либо — мужественная упорная борьба за жизнь, за счастье своего народа, за демократизм.

У советской молодежи только один путь — широкий, просторный путь торжествующей жизни, большого и ясного счастья, добытого в жестокой борьбе с врагами.

И первое, чем каждый из нас, каждый из тех, кому только что минуло двадцать лет, обязан Великой Октябрьской революции, — это наше право на счастливую жизнь в самом глубоком и принципиальном значении этих простых слов.

Право на счастливую жизнь — это значит право на свободный и радостный труд.

Я люблю свою профессию и ценю высокую честь быть участником в деле создания большого советского искусства балета. Труд мой — это не гнет, не механическое принуждение, нет, это — полное радостное бытие.

Право на учение есть в то же время и обязанность для нас, молодых. Учиться — значит овладеть культурой, опытом жизни, всем накопленным достоинством человечества.

Советская молодежь тесно сомкнула свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина, Авангард молодежи нашей страны — это ленинский комсомол, лучший помощник коммунистической партии, и право быть членом ленинского комсомола дала мне Октябрьская революция.

Высокое и почетное право — вместе со всем многомиллионным народом Советской страны участвовать в строительстве новой замечательной жизни, все это дано Великой коммунистической революцией.

Мне хочется отдать все силы, чтобы оправдать это право, оплатить это счастье — быть молодым в стране победившего социализма.

Балерина-комсомолка
О. ЛЕПЕШИНСКАЯ.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ

СЕРЖАНТ ФЕРНАНДЕС

Мы стояли в резерве под Кодо. Однажды, во время утренней перемены, Макс объявил перед батальоном, что сержант Фернандес Рафаэль Ротис, как несовершеннотеленный, увольняется из армии.

Тот, о ком шла речь, еще накануне получил приказ явиться на перемену в полной готовности к отправке.

Это был совсем молодой парень — лет шестнадцати с небольшим — из-под Луэны. Он сражался вместе с батальоном уже десятый месяц и, несмотря на свою молодость, был произведен в сержанты.

Он выдержал долгую борьбу с ринками, упорно отказываясь оставить батальон до тех пор, пока не раздается с фашистами. Но в конце концов он потерпел неудачу. Военное министерство республиканской Испании, куда обратился его родител, распорядилось демобилизовать несовершеннотеленного сержанта.

На ослик командира он выступил в землю, покрутил голову и усталившим в нем. По лицу его текли слезы.

Пристально посмотрев на юношу, Макс улыбнулся и сказал:

— Ну, молодец, сдавай винтовку и марш домой. Там о тебе позаботятся родители. А фашисты побьют твои старшие товарищи. Когда приедешь к себе в деревню, передай привет землякам да раскажи им, что видел и чему научился в батальоне имени Тельмана.

Фернандес стоял неподвижно, словно пригвожденный к месту.

— Ну, теперь можешь идти, — повторил Макс.

Юноша понял голову, посмотрел на командира, но не тронулся с места. Мы все поглядывали то на Фернандеса, то на Макса и не могли понять, почему он не уходит. Весь батальон насторожился.

— Ну, что с тобой? — спросил Макс — Ты хочешь что-то сказать?

Из повести «Педро и его друзья», которая будет полностью напечатана в журнале «Знамя».

ПЛЯ-и-БЕЛЬТРАН

ЗДЕСЬ НИКТО НЕ ПЛАЧЕТ!

На этой суровой земле никто не плачет. Приходите, смотрите: вот она, земля Испания. Вот она, свинойо-серые просторства в мягких складках, с чуть заметными оазисами, почти необитаемые по-настоящему, изобилующие побережья шета сени, зеленые, желтые, шумные города... Все это — древняя, вечная, страдавшая земля Испания, земля, на которой живет невиданный южный бог, где с предельной яркостью выражается оружие в борьбе за судьбу человечества, за будущее культуры.

Здесь вы не услышите плача. Здесь никто не плачет. Испания сурова и спокойна. Оттого, что она так долго созрела свою собственную скорбь, ныне, в своем ужасающем одиночестве, она сама заставляет себя шагать вперед. Испания склалит зубы, Испания рычит. Испания истекает кровью... но не плачет.

Здесь никто не плачет!

Ни этот ребенок с испуганными широко раскрытыми глазами, взирающим на вас в небо, черное небо; ни эта женщина с жесткими пророческими, срилы взорванной почти или разрушенными горлом; ни этот старик — старый князь! — срилы оломков и развалин светелствующий своим понатым кулаком о несокрушимой воле Испания.

Здесь никто не плачет!

Здесь никто не плачет!

Здесь никто не плачет!

Здесь никто не плачет!

Фернандес опять поднял голову, посмотрел на Макса и вдруг заговорил прерывающимся, сдавленным голосом, не переставая заливаясь слезами: если он теперь, в разгар войны, вернется домой, да еще демобилизованный, все подумают, что его прогнали как нелюдя негодного, недеспланированного солдата, что он труслив, даже хуже...

Макс не сводил взгляда с юноши, и я заметил, что и его глаза заблестели. Он подошел к Фернандесу, прилеп к себе и крепко обнял.

— Хороший ты мой, глупый мальчик! Кто может подумать это о тебе, когда ты столько времени дрался в батальоне, где нет плохих солдат? Ты был хорошим, способным, храбрым солдатом, достойным сыном своей родины. И, твой командир, готов дать тебе письмо к старосте твоей деревни, чтобы все там знали, каким образованным солдатом ты был, несмотря на свои молодые годы, и что бы все знали, что ты, твой товарищи, неим тебя и отпускаем с большой неохотой. Хочешь такое письмо?

Фернандес вытер рукавом лицо и кивнул головой, улыбаясь сквозь слезы.

Макс повернулся к батальону и громко сказал:

— Сегодня мы расстаемся с нашим товарищем — Фернандесом Рафаэлем Ротис. По приказу военного министерства он демобилизуется как несовершеннотеленный. Я объявлю от своего и нашего имени благодарность товарищу Фернандесу, который, сражаясь в наших рядах, показал себя как стойкий антифашист и верный сын своего народа. Да здравствует товарищ Фернандес!

— Виват Виват! — вырвалось из сотни глоток.

Юный Фернандес стоял, покрывая глазами своих товарищей, и его мокрое от слез лицо сияло гордостью и счастьем.

Перевел с немецкой рукописи
Я. РЕЙЦЕР

ЭМИ СЯО

ГЕРОИЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КИТАЯ

Китайская молодежь принимает активное участие в национально-освободительной борьбе против японских захватчиков. Сотни тысяч юношей бесстрашно дерутся на передовых позициях и в тылу противника. Молодежь вступает в регулярную армию, в партизанские отряды и в отряды самообороны. Известны героические подвиги молодежи дивизии 8-й народной революционной армии. Под командованием 30-летнего командира Линь Бао эта дивизия одержала в Северном Китае много блестящих побед над интервентами. Советская молодежь не раз читала о знаменитом начальнике крупного партизанского отряда, бывшем студенте Северо-Восточного университета Чао Туно, о «Группе обслуживания северо-западного фронта», работающей под руководством известной молодой писательницы Тянь Лян и о «Группе обслуживания фронта», состоящей из 20 молодых девушек, во главе с писательницей Ху Лянчун.

Таких молодежных групп на фронтах Китая — несметное количество. Самая крупная и самая малая из них — «Группа обслуживания фронта Новой 4-й армии».

Члены группы — юноши, девушки и дети все охотно работают и живут, как рядовые бойцы. Они изучают военное дело, поллитратур, технику. Их задача — работать на фронте и в тылу, среди народных масс, армейских частей и в тылу противника.

Группе приходится очень напряженно работать. В каждой деревушке можно увидеть толпу жаждущую молодых орудий. Почти на каждом перекрестке улиц можно увидеть театральную постановку под открытым небом. Члены группы пишут плакаты и лозунги, разучивают с народом патристические песни, организуют детские хоры. Они не пропускают ни одного населенного пункта, чтобы не повести там пропагандистской работы, ни одной белой стены, чтобы не написать на ней плакат, лозунг или карикатуру.

В процессе ожесточенной кровавой борьбы возникло, развилось и укрепилось много молодежных организаций: Студенческий союз, Ассоциация молодежи для спасения страны, Союз молодежи трех народных приписов и т. д. Но самой боевой из них, пожалуй, является «Авангард национально-освободительной борьбы» — железный отряд китайской молодежи в оборонительной войне.

Еще зимой 1935 года бэйпинские студенты организовали пропагандистские бригады для работы среди народных масс. Триста молодых патриотов положили основу буду-

щему мощному движению, получившему название — «Авангард национально-освободительной».

Число отрядов «АНО» быстро росло. Они возникли во всех больших городах Китая. Члены «АНО» установили также тесную связь с крестьянами.

В феврале 1937 года была созвана всекитайская конференция, на которой присутствовали представители двадцати четырех отрядов «АНО». Конференция приняла единую программу работы: осуществлять единый фронт молодежи, развивать работу в деревне, подготовить вооруженное сопротивление врагу.

Юноши заняли Вэйпин, «АНО» ответил лозунгом: «Не прекращать борьбу» и ввязался за организацию партизанских отрядов. Героический подвиг — освобождение шестистот заключенных китайцев из бэйпинской тюрьмы — дело «АНО».

В апреле 1938 года, в открытии всекитайской конференции, число членов «АНО» превысило тридцать тысяч человек. В большинстве это была крестьянская молодежь. Северо-западное отделение насчитывает десять тысяч человек. Эти патриоты-герои ведут вооруженную борьбу в тылу японцев. Десят тысяч человек работают в районах Шаньси—Итсиа—Цинхай. Основными кадрами партизан, действующих в районе Тайханшаня и в Северном Китае, являются члены «Авангарда национально-освободительной». Это героическая, самоотверженная молодежь. Немало этих героев погибло на линии огня.

Вот Шен Чао — руководитель крестьянского партизанского отряда в окрестностях Вэйпина. Переодевшись, он пробрался в город, его узнали предатели, вылали японцам, и он был расстрелян. Вот Ли Ду, Цин Шюэсянь и другие. После вторжения японцев в Яньчжоу они продолжали сражаться с врагом в тылу и погибли. Вот Ши Вэй и Чжан Цзюю, руководители крестьянского отряда в уезде Тасянь. Они попали в плен, стойко держались во время допроса и были замучены японцами. Студент Ян Юнь после пленения Вэйпина переоделся нищим, пробрался через сторожевую линию японцев в Шаньси и вступил в партизанский отряд профессора Ян Сюэина. Когда японцы наступали по линии Хунхайской железной дороги, начальник уезда Чанго бежал, но члены «АНО», вооруженные старыми винтовками, продолжали оказывать сопротивление врагу и ночью и, нанеся впечатляющий удар противнику, выбили его из города.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ Всесоюзному Ленинско-Сталинскому коммунистическому союзу молодежи

Товарищи комсомольцы!

От всей души поздравляем вас с днем вашего 20-летия.

Вашем лице мы приветствуем передовую молодежь нашей великой родины. Двадцать лет тому назад по инициативе Ленина и Сталина на освобожденной от ярма помещиков и капиталистов одной шестой части мира был создан Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи. Его воспитанники с первых же дней возникновения союза стали верными, надежными помощниками коммунистической партии в борьбе за новое коммунистическое общество. Воспитанники комсомола, улекая за собой всю беспартийную молодежь, отважно дрались на фронтах гражданской войны. Бок о бок с коммунистами, в первых рядах народа своей грудью они отбывали нашу родину от погони интервентов и белогабарцев, которые со всех сторон напали на молодую, не окрепшую республику советов. В памяти этих замечательных борцов за дело коммунизма. Многие из них отдали за него самое дорогое, что у них было, — свою юную жизнь.

А когда начались дни стройки, когда

потребовалось напряжение всех творческих сил для решительной последней схватки с капиталистическими элементами внутри страны, комсомольцы первые откликнулись на зов партии. Вместе с партией и под ее руководством они организовали массы молодежи для участия в огромной всемирно-исторического значения преобразовательной работе, которую начали в России Ленин и Сталин.

За 20 лет своего существования комсомол вырос, возмужал, окреп. Нет вульво ни одной области в нашей жизни, где бы комсомол не проявил своей творческой инициативы. Известно, что инициатором социалистического соревнования был комсомол.

Высшая форма социалистического соревнования — стахановское движение возникло в среде комсомола. Стаханов и Кривоноз, Демченко и Вигоразова, сотни и тысячи других передовиков стахановского движения прошли школу ленинско-сталинского комсомола. И, наконец, новый замечательный подем стахановского движения, который выражен в бесчисленном количестве поларков, преподнесенных молодыми стахановцами, спешилстами, научными работниками, служащими, деятелями науки и техники, рабочими искусства, начальствующим и рядовым составом Красной Армии и Флота во славу родины, — этот новый подем тоже начал комсомольцами в честь 20-летия своего союза.

Комсомол — замечательная школа, воспитывающая молодежь на великих идеях световой марксизма, в духе социалистического гуманизма, в духе преданности и любви к делу освобождения человечества от ига капитализма, от ига варварства и мракобесия фашизма. В то время как за рубежом фашизм отупляет ум и чувства молодежи, разжигает в ней пошлянистические низменные античеловеческие инстинкты, подавляет и порабощает разум, честь и достоинство человека, — в Советском Союзе молодежь черпает свою нравственную силу из чистого источника благородных идей, которые в течение многих веков сияли, как путеводные звезды на пути людей к наиболее справедливой, наиболее разумной и счастливой жизни.

Комсомол — великодушная школа социалистической интеллигенции. Проходя эту школу, молодые люди и девушки принимают ясной целью жизни, приобретают настойчивость в деле достижения цели, твердость характера, домашнее все и всецелое преданность. В комсомоле происходит творческий расцвет социалистических качеств человека. Нет такой области социалистического строительства и социалистической культуры, где не проявился бы себя комсомольский гений. Комсомол по праву можно назвать школой разносторонней государственной деятельности.

Для нас, писателей, комсомол был и остается источником художественного об

В тюрьме у Петлюры

ИЗ СЦЕНАРИЯ ПО РОМАНУ Н. ОСТРОВСКОГО
«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

На нарах, в окутанном мглой углах, застыли люди. Слабый свет пробивается из окошка под потолком. Привалившись к стене, кося разнузав рот, спит старик; одна левая его заросла длинным волосом. Против окна женщина в платке на круглых жирных щеках шепчет в волосы у полойжившей головы на ее колени девочку. В дальнем углу, на выщербленном земляном полу лежит с расчереженным лицом Корчагин. К нему неслышно, пуляно приближается крестьянская девушка, в платочке, в деревенских башмаках.

— Звать как? — крикнул говорит старик, просыпаясь.

— Христа, — чуть слышно отвечает девушка.

Храп старика снова оглашает камеру.

Присев на корточки, Христа подает Павлу кружку с водой. Худая рука Корчагина вздрагивает, зубы стучат.

— Верно ж люди говорят, что Бога нет, — шепчет Христа, не отрывая глаз от простертого на полу Корчагина. — Разве ж есть он, когда тебе моледа страдет?..

Она разложила по-крестьянски юбку на полу, пригнорюнулась, положила голову на ладонь. За стеной раскачиваются громкие голоса, взрывы солдатского смеха. Грохот отбывающего засова заставляет Христа вздрогнуть, подняться. Гремя немудро везенными шпорами, в подвал входит комендант с оселедем, в синем юпане — жирный юноша с обвислым розовым лицом. Прячь один глаз, он манит к себе пальцем Христу. Та похотит, кружась, зигагами, как подбитая птица.

— Хитра ж ты, дичина, будем тут век везать? — и комендант трогает Христу жирным плечом.

— Пусть идет, пане, — говорит Христина и поднимает на коменданта глаза, нестерпимо сияющие страданьем.

Краснощекий петлюровец наклоняется ближе, снова прикрывает один глаз и мертво глядит прямо перед собой другим — открытым:

— Когда по добруму согласию — можно и отпустить...

— Не надо, пане, — шепчет Христа.

— А не надо, — повторяет за Христей комендант, — козакам отдам...

Позавывая шпорами, как бубенцами, комендант выходит — широкий, толстоногий, с круглой спиной. Христина смотрит ему вслед; жалобное, детское неумоление выстукает у нее на лице, потом беззвучно срамают она падает на пол.

— Знупаються над дичиною, — слышат женщина в платке.

— Было б чего плакать, — довольным голосом говорит выпавший старик, — предоставь начальству, что начальство требует, оно и поминает...

— Старый вы, дилу, — отвечает женщина, роясь у девочки в густых волосах, — старый, а дурной...

Горящий взгляд Корчагина прикован к женщине. Мысль бьется в этих глазах. Павел приподнимается на локте; запекшие губы его разлезаются:

— Не подлайся, Христа...

По-крестьянски разложив на полу юбку, зарыв голову в колени, Христа раскачивается бездумным, однообразным, несчетным движением:

— Ой, когда ж сила ихняя, — чуть слышно, как будто наизусть, доносится ее голос. — Ой же ж, тяжело жити на свете, хлопчику... Замучают Христу, проклятые...

— Давно б дома была, — равнодушно хрипит растерянный сумраком старик и убожее приваливается к стене, — когда б те дурость твою...

— Так я ж еще барышня, дилу, — говорит Христа и поднимает голову.

Снова гремит засов отрываемой двери. Ступай, громадный, тощий, настоереженный, прихотливо поворачиваясь — входит в камеру писарь в пенсне. В руке у него сгибается испещренный лист бумаги.

— Гнатюк, Христина Пилиповна?

И, шаря вспыхивающими глазами по бумаге:

— Какой волости? — Христу пугает, прижимается к стене.

— Киевской губернии, Шепетовской волости.

— Православная?

— Православная.

— Земли сколько?

— Безземельная...

— Расписаться умеешь?

— Христу молча кивает головой.

— Расписаны на освобождение...

— Спасибо вам, пане...

Девушка бросается к ступолому писарю в пенсне, целует его жилистую, большую руку, выпрямляется и, обнувшись к остающимся:

— Прошайте, люди добры...

— Прошай, голубе...

Дверь за нею закрывается, гремит засов.

Старик закуривает козью ножку и выпускает бурную струю дыма:

— Придет это она сейчас до себя в село, до багатиной хаты... Наделает это она себе гадостей с полста...

За дверью — пронзительный крик Христу, топот ног, паление тел. Старик поднял голову, наставил ухо, вслушался.

— Испортили барышню...

Глазные удары тела Корчагина об дверь. Он бьется об нее, обезумев, мотая головой, стуча кулаками. Волчок в двери притворяется, показывается лицо часового:

— Не иначе — приехала захотел?..

НЕМЦЫ НА УКРАИНЕ

По шоссе, через Шепетовку, отбивая шаг, идут войска Вильгельма II. Они в темных мундирах, на головах стальные шлемы; на винтовках широкие, как нож, штаны. Впереди рядов выбрасывают длинные ноги офицеры; на тонких швах вздрагивают маленькие, белесые, бессмысленно окаменевшие лица; беспечный взгляд устремлен прямо перед собой — мимо прижавшихся к стенам людей. Люти эти — местечковое население тех годов: искривленные евреи в ермолках и сюртуках, подпоясанные березками; мальчишки из хедера, уже истомленные «спринжи Торы»; с каштановыми пейсами вдоль большеглазых и сурьбных лиц; жены рабочих в тяжелых платках, селяне в белых свитках и широколоких шляхах из грубой соломы. Угроливо перекашиваясь, рядом с ними, торжко скривился мир стивших перекашлив, хасидских зубещ, деревенных синягов, узко вытанутых к небу.

Варабанная дробь, Прямолинейный рев оркестров летит вдоль сломанных улиц. На шоссе, грохоча, вступает артиллерия.

— Пропала Украина, — твердо говорит чей-то голос в толпе.

— Сила... — слышат старик в рваной кофте.

— Как ваяться... — неопределенно отвечает старик молодой парень и пропадает в толпе.

— Пропала Украина, — с убеждением отвечает другой.

На станции Шепетовка немцы в касках с олами тащат в теплушках упряжающийся скот — сотни украинских волов, обремененных выжатыми свиней, коротких телок. В другой состав грузят орудия, пулеметы, солдаты.

Из-за станционной будки за погрузкой войск наблюдают два украинских «дьячка».

— А хоч бы и партизаны ваялись, — меланхолично говорит один из них, — когда ж такую силу перекашлишь?..

— Пропала Украина, — с убеждением отвечает другой.

Вздох вагонов по перрону яростно шагает широкоплечий, багровый комендант в новых ремнях, в высоком, прусского образца сером картузе с лакированным козырьком.

Двери теплушек медленно сдвигаются. Комендант вскакивает на подножку классного вагона. Впереди состава сотрясается оку-

танный паром, масляный, зеленый паровоз. Комендант подползает к губам свисток.

— Abfahrt!

Состав не двигается.

— Donnerwetter! — бормочет немцем, багровея. Еще свисток. Состав не двигается.

Тряса задом, неся на неподвижной шее лиловое мысленное лицо, комендант бежит по перрону. Залыкаясь, он выбирается на паровоз. Нестерпимо резкий звук вырывающегося пара, качающихся стрелки на приборах, Паровоз пуст, оставлен.

— Das ist Russland, — обращается комендант к ординару и, держа за покурную, легкая толстыми ногами, спускается с паровоза.

В железнодорожном депо, у стоящих рядом слесарных станков, работают два человека: Артем Корчагин, гигант с всегда виноватым, до доброго сердца, лицом и Жухрай, хорошо сбитый, коренастый человек в косоворотке, с ровным и сильным блеском в ополонных глазах.

— Как ты, Артем, насчет коммунистической партии рассматриваешь? — в упор глядя на Артема, спрашивает Жухрай.

Лицо у Артема становится еще более виноватое, чем всегда.

— Слабовато я, Федор Иванович, в самых этих партиях разбираюсь, — говорит он нетвердо. — Надо помочь — помогу...

— Бастовать будете? — все так же в упор спрашивает Жухрай.

— Как ты, Федор Иванович, так и я...

— А ты бы вперед людей?

В это мгновение ворота депо с грохотом раскрываются. Сияя асфальтами, пряжками, ярко вычтенными сапогами, по пеху, гулко отбивая шаг, идет комендант. Две ожившие колонны, два прусских фельдфебеля, нечеловечески громадные, движутся вслед за ним, и сбоку — на жидких ногах в обвалившихся брыках вьется личность с обвислыми усами и шевелящимися кончиками носа.

Рубя слова, не вращая шей, комендант громким голосом выкрикивает тираду по-немецки.

— Übersetzer, übersetzen sie, bitte, — говорит он через плечо человеку с шевелящимися кончиками носа.

Переводчик. Ну, каже господин германский офицер, по так как вы, рабочий народ, мечтаете, шоб так оно было, то так воно не будет...

Комендант (снова тирада по-немецки).

Переводчик. Ну, каже, дайте мне машинистов и составы, бо надо Германию кормить...

Комендант тычет пальцем в Артема Корчагина.

Переводчик (Артему). Ты...

Как колонии, преставленные с места на место, оба фельдфебеля приближаются к Артему.

Комендант тычет пальцами в Полентовского — сутулого, сухоощаго старика с себеряно-седой, стриженой головой.

Переводчик (Полентовскому). Так же само ты, старик...

Артем (глядя в землю). Ну — чего я?..

Переводчик. Пошли...

Артем (глядя в землю). Куда это пошли?..

Переводчик. Военский состав поведете...

Артем (отворачиваясь). Хворый я...

Переводчик. Для хворых мы докторов маем...

Артем. Кажут тебе — хворый?..

Переводчик (фельдфебелю). А ну, доктор...

По пеху, погруженному в серые, железные сумерки, идут — Артем, с повисшими большими руками и седой Полентовский; фельдфебеля и комендант с невращающейся шей замыкают шествие.

— Артем, — негромко говорит Жухрай.

— Ше й душу мотать, — тоскливо шепчет Корчагин.

— На усмиренье ведут, — еще тише говорит Жухрай.

Болезненно-резкая барабанная дробь. Мяс широких коротких ножек вьжвется мимо железнодорожных мастерских.

Подпрыгивая на узких рельсах, сжимаются ворота депо, и сразу яростным шумом раздается громадный пех.

— А ну, хлопцы, кончай базар, — говорит Жухрай грубоватым, обычным своим голосом и бросает на пол спичков, — пошли, хлопцы, до дому...

— Серьжа, бастует! — весело летит через пех чей-то мальчишеский и звонкий голос.

— Пропалем, Федя, — полхотит к Жухрай пожилой рабочий в передице, с кожаным ремешком на чистом высоком лбу.

— А не повезем, — отвечает Жухрай, — против рабочего класса ничего не повезем...

— Ты ж чему народ учишь, смертельная твоя душа... — вырастает перед Жухраем расклеванное малиновое лицо с толстыми усами, — я ж сам-восемь, окаянная твоя голова...

— Не повезем, — негромко говорит Жухрай, поднимает голову и бленнет. Глухо, разрастаясь шипенье, яже жлеззая, судорога ползющего гула надвигаются все ближе. Лебединое облако пара пролетает в окне, пышно разрослось, пропало. Сигни паровоз, с масляными потемневшими бочками, проплывает в окне.

Мимо окна с безмолвной, грозной медлительностью прохотит площадка с орудиями, грозящие небу короткие хоботы, броненики со слепо бегущими фарами, наглухо закрытые телушки с запечатанными в них человеческими душами.

Состав прошел. Ночь в окне очистилась, над ней загорелся мертвенный, узкий фонарь. Замиривший желтый трансмиссионный пеху, замедляющееся движение станков.

Во тьме, по степям Украины, несется поезд с войсками Вильгельма II. Мелькнул лес, овраги, деревушка — голубые под лунной хатой, голубые деревья в цвету.

— На усмиренье поехали, — говорит Артем, подбавляя в топку уголь, — якая твоя жизнь, батько...

Озаренный розовым золотом огня, он захлопывает железную дверь, отирает рукавом испачканное углем и потом лицо, садится на табурет, ровет большие черные руки. На тентере, свесив ноги, сидит немецкий солдат в каске с олом. Ночь. Вспущая дуна утонувла в озере, к земле склонялись темные головы полонцов.

— Верстов двадцать отехали, — говорит Артем.

— Кривая Балка, — выглядывает в окно Полентовский.

Артем. Она (и вдруг — с отчаянием темной, доброй души): Ну и он же человек, батько...

Немец надул щеки, закурил черную длинную сигару.

Артем. Ну и он же богу не виноват...

— А мы чем богу виноваты? — спрашивает Полентовский.

— Когда ж грех, — говорит Артем и мотает головой.

— Нема греха, — отвечает Полентовский.

Немец, надув толстые щеки, сосет сигару, сонит и, обняв ружье, задремывает. Над ним, закрывая небо, вырывается Артем с лотом. Тело солдата сваливается в проход.

— Кажу тебе, сынок, нема греха, — ступил Полентовский выпрямился, глаза его блеснули.

Поезд мчит по дугу, среди неясно светящихся ветров. За темной, грохочущей громадой, без усилия, плывет луна. Две тени отделились от паровоза и скатились по наспину. Освобожденный, никем не управляемый, поезд вздрогнул, рванулся, вылетел на пиргорок, проскрежетал на мосту и, ломая стрелки, обезумев, осветился и поднялся в воздух.

В груде пылающих обломков рвутся зарвавшие ящики один за другим.

О детской литературе

Среди многих ответственных дел, которыми занимается ленинский комсомол, есть одно своеобразное, сложное и тонкое дело. Это — руководство изданием книг для детей.

Сейчас комсомол празднует свою двадцатую годовщину. Чествуя юбиляра, обычно перечисляют его победы и удачу. Но в нашей стране в таких случаях приятно говорить не столько об удачах, сколько о задачах, которые нам предстоит решать завтра, послезавтра, через месяц, через год.

Прежде всего, на книжных прилавках и на столах у детей появилась, наконец, тот долгожданный предмет, о котором мы столько мечтали, — детская книга.

Издательство перестало быть мелкой кустарной мастерской. Книги стали издаваться у нас уже не тысячами, а чуть ли не миллионными тиражами. Они проливаются туда, где раньше о детской книге не знали и не слышали.

Во время, когда я был ребенком, у меня, как и у большинства моих сверстников, еще не было своей книги. Читал я все, что попадалось под руку: «Роман-Роман», «Шута Балакирева», «Гысучу и одну ночь» в издании «Литовского обозрения». И только в школьной библиотеке я познакоился с «книжками для юношества» — с Майн-Ридом, Эммером, Эберсом, Купером, а также и с Гоголем. Отсюда, из этой маленькой библиотеки уездной гимназии, где вдоль стены стояли четыре шкафа с рядами коричневых, серых и синевато-зеленых книжек, поехали на заданной Верещагина или на грамматику Кирпичникова и Гиларова, — отсюда воображение унесло меня в прерии, в джунгли, к подножью пирамид, на Невский проспект, на набережные, где «мосты вьвет эдаким чертом безо всякого, можно сказать, прикосновения».

Для ребенка, у которого дома не было книжной полки или в детской, ни в библиотеке отца (за исключением детской и кабинета), счастьем была такая школьная библиотека.

Но и она была доступна только немногим избранным — тем, у кого на буфачах красовались скрепленные веточки серебряных лавров, — гимназистам.

Уездные училища или приходские школы обходились без всяких библиотек. А уж о сельских школах и говорить не стоит.

Одно из самых замечательных постановлений правительства и Центрального Комитета — это постановление о создании библиотек во всех школах Союза.

Детизат печатает сейчас целые комплекты книг для десятков и сотен тысяч школьных библиотек.

Незавою один иностранный писатель спросил у москвича, какое из наших литературных издательств можно считать самым крупным, и очень удивился, когда ему назвали Детизат.

Литература для детей у нас не может быть мелким, кустарным делом. И это сказывается не только в росте издательства, но и в том значении, которое приобрела детская книга у нас в стране.

Дореволюционная детская литература была глухим переулком, куда критика и не заглядывала.

Невозможно себе даже представить, чтобы какая-нибудь историческая повесть для детей под названием «Парский гнев» аляска в стихах «Бордатик» сделались предметом общественного обсуждения.

В наши дни детскую книгу обсуждают на серьезных совещаниях, ее подвергают критическому разбору в печати наряду с другими жанрами художественной литературы. Она стала тем, чем хотел ее видеть Белинский — произведением искусства.

Передостатки номера старых детских журналов. Вы увидите, что главными поставщиками литературного материала были какие-то безличные и безымянные авторы. Стишки в «Залужном слове», пералпытые и неуклюжие переводы, истинные повести, сугубые исторические романы — все это было делом рук любителей или ремесленников, занимавшихся полениной.

Советская литература для детей — во всяком случае лучшая ее часть — создается настоящими, профессиональными писателями.

ми. Это люди с индивидуальностью, с характером, со своим стилем.

Не взглянув на подпись, вы узнаете стихи Квятко и Чуковский, Михалкова и Наталью Забияка, Барто, Александрова и Благиной. Вы сразу отличите прозу Паустовского от прозы Житкова, Ильина, Гайдар, Пантелеева, Кассиля, Чурунина, Шварц, Фраерман — все это литераторы, нашедшие свой жанр, проложившие свой путь.

До революции наша детская литература состояла чуть ли не наполовину из переводных книг. В советской литературе органических книг несравненно больше, чем переводных.

Зато наших детских писателей стали чаще переводить за границы.

Наша детская литература взяла на себя почетную задачу — рассказать молодежи людей и у нас и за рубежом о социалистической стройке, о победах сталинских пятилеток. И надо сказать, что задачу эту она решает с честью.

Из всего сказанного следует, что у нас есть уже литература для детей, а главное, есть люди, которые создают и будут создавать новые книги.

Но останавливаться на этом, конечно, не приходится.

В день двадцатой годовщины комсомола — шефа советской литературы для детей — мы должны проанализировать генеральный смотр всем нашим силам и понять, где у нас недостатки.

Что нехватает нашей литературе для детей?

Прежде всего — смелости воображения. В самом сказочное время, в самой сказочной стране мы не создали еще новой сказки.

Дети ищут в книгах подвиги и приключения. А мы еще не дали им ни одной книги, которую имели бы право назвать героической.

Читатель хотел бы попольше пожить об своим героем, пострадать с ним по белу свету, испытать его в борьбе с препятствиями и опасностями. А этих возможностей не хватает ни одна из наших детских книг.

Нет у нас и крутой повести, — бытовой — о нашей школе, о лагере, о семье. Впрочем, если вы посмотрите в каталоги, вы обнаружите десятки школьных повестей.

Но почти все они, по какому-то странному совпадению, состарились и умерли на другой же день после своего выхода в свет.

В них было все, что полагается в школьной повести, — и классные доски, и парты, и шпаргалки, и большие перемены, и учителя, и ученики. Не было только одного — людей, в существовании которых можно поверить.

Не было героев, которым читатель захотел бы подражать. Не было таких персонажей, которые внушили бы читателю отвращение и ненависть.

Не было трудных положений, над которыми читатель мог бы задуматься.

А всего этого не было потому, что большинство наших авторов сами никогда не задумывались искренно и всерьез над проблемой воспитания человека.

И еще, по всей вероятности, потому, что авторы этих школьных рассказов только понаслышке знакомы с тем жанром литературы, за который они так смело и легко берутся.

Задача кажется ни необыкновенно простой: побывать раз-другой в школе, запомнить несколько характерных для наших ребят словечек, потом придумать не слишком замысловатый сюжет и, наконец, благословясь, засесть за работу. Вот и все.

Нет, хорошей школьной повести таким «холодным способом» не создается.

Повесть о людях требует от писателя большой душевной глубины и отчетливого, законченного мировосприятия.

Наша детская литература отнюдь не бедна. Вы найдете в ней и эпизоды из времен гражданской войны, и случаи из жизни вдовцов, и приключения охотников. А вот самой простой повести о жизни школьников наших дней вы еще не найдете.

А между тем такая повесть, полная собитий, приключений, свободная от навязчивой морали, могла бы много дать нашим ребятам, во многом им помочь.

Г. БРОВМАН

ЧЕРТЫ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кроштадтский бед.

З. Бабрицкий.

«Герой нашего времени, милое мое, точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

Этими словами предварил Михаил Юрьевич Лермонтов второе издание «Героя нашего времени», и слова эти отражали скорбь и горечь гениального поэта о поколении, стареющем в бездействии. Высокие идеалы, мучные порывы лучших молодых людей минувшего века наталкивались на жестокие противодействия несправедливого общественного строя. Страшная система собственничества, крепостнических отношений уродовала поколение за поколением, внося нравственное опустошение и гнетущую тоску в среду молодежи. Это были действительно пороки целых поколений, и страстной борьбе с этими пороками, гневному равенствию бед, кто эти пороки принимал, посвятив свой лучшие страны великие писатели нашего народа.

Вдохновенные образы борцов, отдавших все свои силы революционному делу, оставил нам А. М. Горький. Его герои — это люди поколения пролетарских революционеров, последовательных, неустрашимых, глубоко преданных народным идеалам. Молодой человек этого поколения в огне и буре закаляет свой характер, и ему чудны и неведомы исконные пороки, трагедии и конфликты, которые были свойственны даже лучшим людям прошедшего столетия. «Страдающему эгоизму», грустной рефлексии и вечному разладу между идеалами и действительностью противопоставляет действительную устрем-

ленность нового человека, переделывающего мир.

Молодой герой эпохи подготовки социалистического переворота — это раньше всего человек, глубоко коммунистически убежденный и глубоко революционный деятель.

Таков Павел Власов — герой горьковской «Матери». «Мы — социалисты — говорит Павел в знающей и уверенной речи на суде. — Это эпоха знаменитой речи чести собственности, которая разделяет людей, возбуждает их друг против друга, создает непримиримую вражду интересов, ведет, стараясь скрыть или оправдать эту вражду, и развращает всех дожде, лицемерия и злобой... Мы стоим против общества, — обращается Павел к судьям, — интересы которого вам приказано записать, как непримиримые враги его и наши... Победим мы... Наши идеи растут, они во все ярче раз

Этой осенью ко мне в деревенский запущенный сад пришел поэт Константин Симонов. Был поздний вечер.

Симонов только что написал в тесной кюветке за хромотой стихи о Ступе. Он читал их при свете тусклого фонаря. Далеко в лучах яркого фонаря, и от величайшей тишины, стоящей вокруг и от холодного воздуха, наполняющего сад, звучание стихов, самый тембр слов, включенных в короткие строки, был совсем иным, чем это бывает в Москве.

Это было первое знакомство со стихами Симонова. Мне стало ясно, что у Симонова, — еще не вышедшего из юношеских лет представителя того поколения, которое мы называем «молодыми людьми социалистического времени», — помимо большой поэтической одаренности, есть еще одно ценное качество — органическое чувство языка. Слова были точны, весомы. Без напряжения, закономерно они входили в стихотворную фразу.

Сейчас, к сожалению, хороший вкус к родному языку встречается не часто даже у многих писателей и поэтов. Это говорит о продолжительной оторванности от настоящей жизни, о полном равнодушии к языковому богатству страны. В эпоху народности это является не только недомыслием, но и преступлением. С легкой руки газет мы все больше привыкли к тому косноязычию, которое неизвестно почему считается русским языком («завышенные задания», «поэтическая продукция», «прилежная база» и тому подобные эшкаторовские слова).

Поэтому особенно радостно услышать стихи, написанные просто, ясно, крепко. Очевидно, Симонов учился языку там, где только ему и можно научиться, — у своего народа.

Борьба за чистоту языка идет давно. Еще Шевырев, в начале XIX века, страстно метал о том, чтобы русский язык «дал звук густой и сильный и широкий, чтоб славою отчизны прогудел, как колокол, из меди лит рифейской, чтоб перешел за свой родной предел».

У Симонова есть хорошая, свежая жалость — жалость к теме, мысли, к понятию и к образу, к лирическому раздумью и строгому эпосу. Этим и объясняется разнообразие его стихов — от исторических поэм «Ледовое побоище» и «Суворов» до баллад и лирических вещей.

Особенно хороши баллады «Генерал» и «Рассказ о спрятанном оружии». В балладе «Генерал» (о смерти Матя Залка) есть строфы, прекрасные по своей простоте:

В кофейнике кофе влокочет,
Солдаты усталые спят,
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвою шелестят.
И кажется вдруг генералу,
Что это великой листвою
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Баллада «Рассказ о спрятанном оружии» написана ритмом задающего ритма человека. Это во много раз усиливает и без того потрясающее впечатление от рассказа о суровой верности долгу и мучениях испанских бойцов.

Симонов не боится говорить о страданиях. Он не сродни тем поэтам, у которых незатихающий барабанный бой заглушает человеческие слезы. Он не сродни тем писателям, которые наивно полагают, что можно только петь песни, бахвалиться или с «закалочными» лицами сжимать разнообразные рычаги машин.

В поэме «Возвращение» у Симонова есть памятные слова о смерти матери:

Пять дней не умирала — ожидала,
Ведь никогда ее не обижал,
А тут вот телеграмма опоздала —
Она звала, а ты не прибегал.
Как ей, должно быть, было одиноко...
На телеграмму денег нескребла,
А сын не едет, сын ее далеко,
У сына, верно, важные дела.

Есть у Симонова «записки» — срывы ритма, повторения рифм, нарочито грубые фразы, места, провозглашающие впечатление разбитого кулака. Очевидно, это объясняется торопливостью Симонова. Стихи не «отстаиваются», мало проверяются временем, поэтому на дне подчас остается осадок.

«Отставившие» стихов, хотя бы и не до конца, необходимо. В детстве я слышал разговор отставного солдата-кантониста с мальчиком. Солдат рассказывал, что чуланная пушка, ежели ее зарыть в землю, через несколько лет превратится в медную.

— А потом? — спросил мальчик.

— А потом, — убежденно сказал солдат, — она, надо думать, сделается золотой.

Эта легендарная мысль о превращении грубого вещества в более благородное под влиянием времени, если и применима, то, главным образом, в области поэзии и прозы. «Служенье муз не терпит суеты».

Симонов очень молод, и тем радостнее видеть в нем одного из первых талантливых поэтов — ровесников Октября.

КОНСТАНТИН ПАВЛОВСКИЙ

«Победители»

Гослитиздат выпустил к 20-летию ленинско-сталинского комсомола книгу молодых поэтов под названием «Победители». В первом разделе книги «Победители» напечатаны произведения поэтов: П. Панченко «За Сталина, за партию коммунистов», М. Андер «Победители», «Дальний город», «Старик», К. Симонова — поэма о Николае Островском, стихи И. Дремова, П. Железова, А. Гольдберга.

Второй раздел «Сборника» («Звездочки») включает стихотворения о нашей молодежи, о советском патриотизме и героизме: М. Матусовского «Площадь Державинского», М. Андер «Семья гвардейцев Восточных», Е. Долматовского — цикл дальневосточных стихов, С. Михалкова «Наша земля», «Дорога», «Песня о трех товарищах», А. Котана «Пограничники», С. Смирнова «Новый жилец», «Дядя Ваня», Д. Кедрина —

Стихи о песне

...твою песню о Железнике поют в Испании. (Из письма друга).

Сады Украины шумят за огородом,
Поля золотые прелеют.
А там за Леридой
Под гром канонады
Бойцы мою песню поют.
Зарницы прохлещат
На небе бесосном,
Влетают ракеты сквозоз мрак.
И перед бойцами
В степи под Херсоном
Убитый встает Железник.
Поет он им песню
Про Днепр наш широкий,
Про выюги и солны в тайге.

И в гости их просит
Подошлух высокый,
Качаясь на длинной ноге.
А там за Леридой
Шумит перед ними
Мой край многоликий,
Где радостно жить и дышать.
И Ленин бессмертный
И Сталин великий
Зовут их в атаку опять.
Чтоб снова сады
Под Леридой шумели,
Чтоб выюгу, где хлеб наш растет,
В степи под Херсоном
И под Тергулем
Судьбой своей правил народ.

ВАДИМ СТРЕЛЬЧЕНКО

Дом в Тортоссе

Вот на снимке кошачий дом,
Над которым шел бомбовоз.
Дом с проваленым потолком.
Дом для ветра. Жилище гроз.

Все — на улице! Шкаф и стул.
И гитара — спутник любви.
И тележка. Но старый мул
Не везет, а лежит в ярови.
Потому — каблуками в дом
Ступала герцог фон Бомбовоз.

... Дом в Тортоссе. Успокой дом.
Дом — для ветра... А кто в нем
... рос,

Стал мужицкой, женился там?
Гражданин!
За этой стеной
Пели женщины по утрам,
Стекла мыли, мела метлой.
Братья!
Дым выходил из труб:
Дым двигался скворороду,
Так любовно соплив суну,
Вудто благословляли еду.
Я свидетельствую, что тут,
Где была этажерка, там,
Где стояла кровать, — режут
Ветры мокрые по утрам.

Летчик-немец, платя за дом
Рыцаря хитрою головою!
Я вставляю на том,
Что жилища не оплат под землей,
И зажжется лампа в окне!.

Я стою с газетным листом,
И припоминается мне
Дом в Одессе,
Дом в голубом.
(Голубой воды — не стакан! —
К шельковце прильну платан...
Южно-южно, легко-легко)

В доме комната есть одна,
Разных ландшей нету в ней
И цветами не убрана,
Но вино не манит постель.
Но когда б та звонок дверной
Ни нажал я, — сейчас в ответ
Запугнут шаг за стеной,
Скрипнут дери, зажжется свет,
Вылетит женщина...
Мать! Привет.

Я горжусь, что сквозоз жизнь
Пронес
Сердце певкое. Что хребет
Мне не выгнул туберкулеза.
Что и пальцы мои крепки,
Что в ответ на обиду, мать,
Я сумею их в кулаки,
Как и все, — на винтовке сжать.

Жди меня. Обметай порог.
Мой посуду и ставь в буфет.

Никогда германский салют
Не залачкает наш паркет!

Друзьям

Я, признаться, рос довольно вяло,
Был пуглив и до обиды мал...
Плакал над задачами, бывало,
Разные лекарства принимал...

Наконец домашнее убранство
Надоело до мозга костей...
Захотелось ветра и пространства
И тому подобных новостей.

И уехал я без сожаленья,
Колесня, куда не устал
И своим родным на удивленье
На метру буравить землю стал.

И, впервые выйдя из забоя,
Вытер лоб, который был в росе,
И впервые землю под собою
Ощутил во всей ее красе...

Это чувство было, как находка...
Я впервые шел, не семеня.
Крупная, хозяйская походка
Стала появляться у меня...

У меня имущество такое:
Новый паспорт,
Воицкий билет,
Пателефон, не знающий покоя,
Чемодан, не очень юных лет.

Праздничный лист диплома
Чего не сулит ему!
Но ветер зовет из дома,
Он едет на Колыму.

Будушнюю порою,
С винтовкою и кайлом
Идет инженер Дальстрой
Сквозь воющий бурелом.
Потом у костров тревожных
Усталый, валится с ног.
Он ест свой ужин дорожный —
Консервы и злой чеснок.
Пешер и палаток житель —
Уланка, плащ, сапоги,
Удочник, горняк, строитель,
Начальник седой тайги.

Раз в месяц он приезжает
В святейший Магадан.
В кино трещит и мигает
И песни поет экран.
Он сутки сидит в читальне —
Плечам не повернуть!
И снова холодный, дальний,
Повытый тревогою путь.

Вот мое имущество, ребята,
Все мои знакомые подряд
Говорят, что это небогато,
Это — маловато, говорят...

Только я не спорю попустому,
Улыбнусь и думаю опять:
Не пристало парню холостому
Лишние предметы покупать...

И другое дело начинаю:
Каждый день выкраиваю час
И тогда сижу и сочиняю
Разные истории про вас.

Думаю помногу над словами,
Чтобы то, что выдумано мной,
Приходило и дружило с вами
А не пролетало стороной.

И поэтому
Надежды, споры
И рабочий столы у окна
Не сменяю я на златые горы
И на реки, полные вина!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Инженер

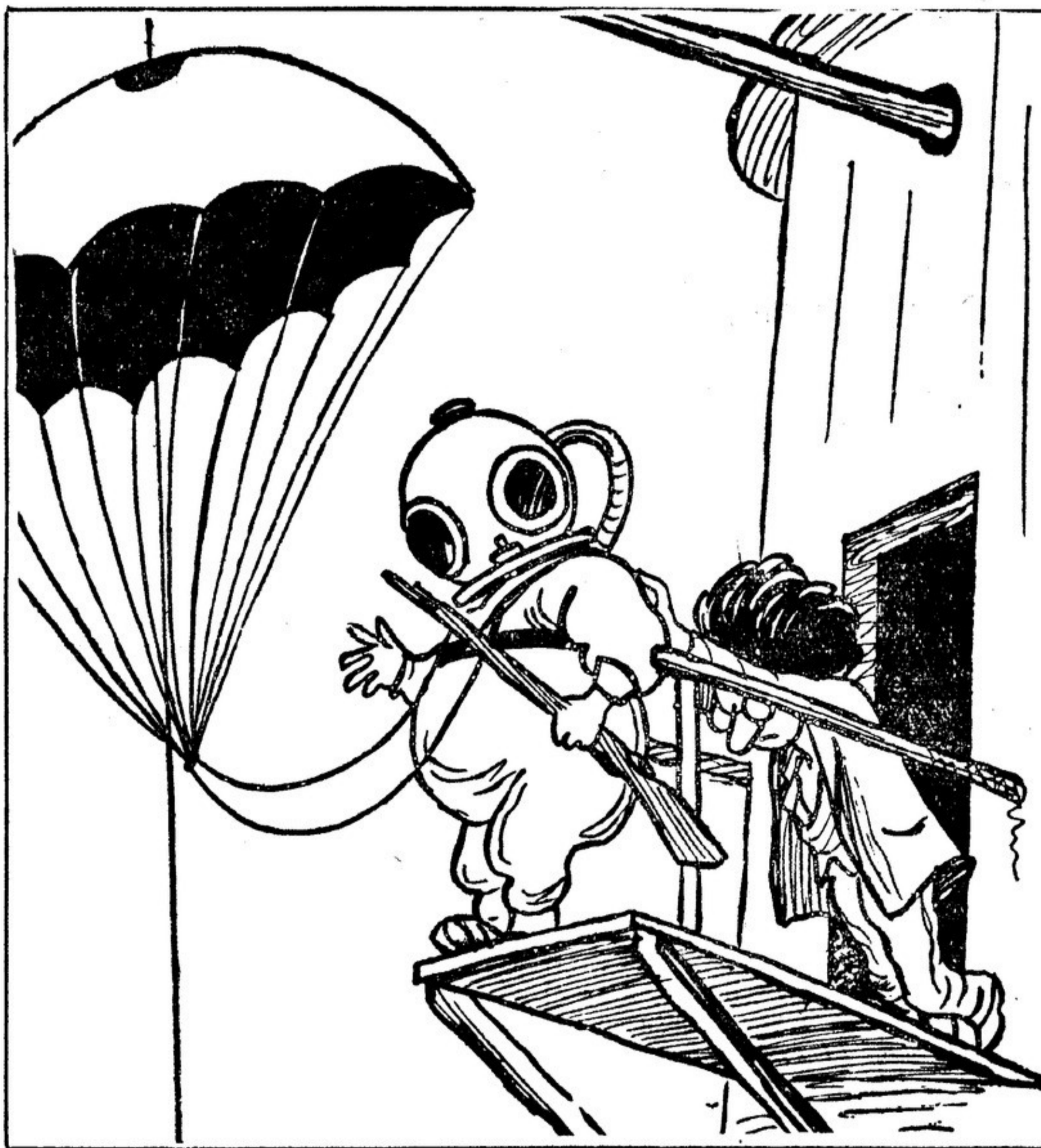
Шагая по свежим ведам,
Он думает иногда:
«Какого он чорта ехал
Из шумной Москвы сюда.
Скорей бы, скорей вернуться...»

И вот наступает срок,
Платки на пристани вытася,
И близок Владивосток,
Защитные аккредитивы
Похрустывают в рукаве,
Грохочущий и счастливый
Поезд спешит к Москве.

Москва оглушит инженера,
Закрутит, затормозит.
Метро, магистрали, скверы
И новых мостов гранит.
Он смотрит спектакли МХАТа,
Он едет на крымский юг.
Но замечает ребята,
Что ночью их старый друг
Тычет из под кровати
Пудовые сапоги
И шопает старый ватник,
Хранящий следы тайги.

В ПОРЫВЕ ТВОРЧЕСТВА

Рис. Л. Бродаты.

ЮНЫЙ ГЕРОЙ (автору): Снимите хотя бы водолазный костюм, который вы напипали на меня в первой главе!

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Сергей Михалков хорошо знает своего читателя. Советские ребята — моделисты и изобретатели, юнаты и неутомимые путешественники — жизнерадостный, умный, любознательный и смелый народ — узнают себя в его стихах. А стихи эти простые, веселые и обязательные. Их хорошо читать, интересно слушать, а некоторые из них вошли в наш живой обиход. «Дядя Степа», «Мы с приятелем», «А что у вас?» стали любимыми стихами юного читателя. Михалков говорит с ребятами не сюсюкая, не подделываясь, под детский язык, говорит, как равный с равным, поэтому так приятно звучит его непринужденный и дружеский голос.

Добрый друг советской поэзии, покойный А. Архангельский совсем не зря провозгласил над тем стилем в детской поэзии, которым пишут о больших и важных вещах.

Точечки, кружочечки,
Как звездочки горят,
Стальные молоточечки
На строчках стучат.

Такой подход органически чужд Михалкову. Его маленькие и большие герои растут под высоким и просторным небом нашей страны, живут ее заботами и интересами.

Веселый турист идет по дальним дорогам и поет свою песню, и, услышав его голос, люди собирают дорожные мешки, уходя в счастливое странствие. Вся страна ждет выздоровления храброго красноармейца Петра, раненного на границе. Знаменитый дядя Степа понимает на леди наших ребят, чтобы каждый мог видеть проходящую мимо армию страны.

В детстве, когда я впервые читал Лермонтова, мне казалось, что все тучи, все облака идут на Кавказ. Стихи Михалкова направляют все переживания ребят, чувства природы, мысли о людях, мечты о будущем к одному — к нашей советской родине, к ее морям и горам, ее величественной природе.

Михалков никогда не заставляет скучать читателя. Прежде всего потому, что его стихи сожжены. У него очень мало содерзательных и описательных стихотворений.

ворений. Действие разворачивается быстро и живо. При всей своей легкости и веселости стихи Михалкова имеют твердый костяк и хорошо организованный словесный материал.

С радостью встречаешь старого друга, знаменитого дядю Степу. Отважный и добродушный, как все большие люди, он проходит по нашим улочкам, поражая всех своей силой и ростом. Он выручает из беды, помогает взрослым и малышам. За него дерзко срывается одним из лучших героев детской литературы.

«Дядя Степа» — это большая удача Михалкова. Вся вещь искрится хорошим весельем, чистым юмором и содержательным остроумием.

Все любил дядю Степу.
Уважали дядю Степу.
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.
«Как живешь?» — кричат ребята
Он чихнет — ребята хором:
«Дядя Степа, будь здоров!»

И мы действительно любим и уважаем дядю Степу и хотим, чтобы он продолжил свое слабое существование в стихах и поэмах Михалкова, хотим, чтобы форма военного моряка, которую дядя Степа надел в конце поэмы, была только началом его новой и интересной жизни советского героя.

Молодой и очень талантливый поэт С. Михалков работает упорно, пробует себя в разных жанрах — в драматургическом, в юмористическом, в лирическом. Говоря о Михалкове — «молодой», мы подчеркиваем его возраст, а отнюдь не творческий диапазон уже вполне сложившегося и оригинального поэта.

Моему поколению в детстве нелегко было пробывать дорогу к хорошей книге, — Марку Твену, Диккенсу, к Некрасову, Гоголю и Пушкину, через ворох слащавых назидательных книжонки, сквозоз «выпуски» дурацких авантюрических романов и кисельные стихи «Задуманного слова».

Приходится завидовать нашим ребятам, которые сразу получают хорошие и умные стихи.

ВЛ. ЛУГОВСКОЙ

«Мои товарищи» — первая книга Вл. Курочкина — вышла в начале прошлого года и вызвала оживленные споры. Эти двадцать три повести о советской молодежи были написаны не совсем обычно, и поэтому нашлись горячие защитники этой книги и не менее горячие противники ее.

Курочкин подражает буржуазно-спортивной беллетристике, — говорят они, — он делает советскую молодежь поверхностной, избегает психологической и идейной мотивировки поведения молодых советских людей, — ему важны только здоровые мускулы и крепкое сердце.

Курочкин показывает здоровую, физически тренированную молодежь, наших летчиков и спортсменов, он изображает жизненный стиль этой молодежи, — говорили другие, — и в этом нет ничего плохого, потому что совершенно не обязан писатель мудрствовать над психологическими тонкостями и вправе писать сюжетные повести и о спортивных состязаниях и о градусах боя; повести денямичные и пронзительные хороши, молодым оптимизмом.

Теперь, спустя полтора года после выхода книги, является видна несостоятельность обеих точек зрения. Курочкин действительно сосредоточил все свое писательское внимание на внешних проявлениях молодости и здоровья, силы и отваги своих героев. В его книге больше поступков, чем философии, больше фактов, чем размышлений. Но его герои вовсе не так уж поверхностны, как кажется на первый взгляд. Они чутки и требовательны друг к другу. Они ясно различают грань между соревнованием и конкурентной работой, а равным образом, и в физкультурных состязаниях. Они крепко, хорошо дружат. Они знают, что опровергать дружеское доверие можно только честным выполнением долга советского гражданина. Последние главы книги, посвященные будущей войне, показывают, как в схватке с врагом проверяется моральное и физическое здоровье советского человека. В повестках о будущей войне Курочкин оказался от всех украинцев и ложного пафоса, он просто рассказывает о том, что может испытать и совершить в бою каждый защитник социалистического отечества.

Но, разумеется, книга Курочкина была бы гораздо содержательнее, если бы автор смог показать внутренний, духовный мир своих героев с такой же ясностью и увлекательностью, с какой он рассказал об их поведении и на зеленом поле стадиона и в воздушном бою. Неумение анализировать психологию человека — беспорядная слабость первой книги Курочкина.

После «Мои товарищи» Курочкин напечатал в журнале «Знамя» пять рассказов и одну небольшую повесть. Не все эти произведения одинаково удачны, но все они свидетельствуют об упорной и принципиально-целеустремленной работе молодого писателя. Курочкин избрал повествовательную манеру. Большинство рассказов Курочкина написано либо в форме монолога, либо является пространной и подробной записью духовных переживаний одного или двух героев. Исно, что если хотя бы на минуту автор допустит непривычную интонацию, если хотя бы одна его фраза не будет соответствовать психологической правде задуманного им образа, то читатель это сразу заметит, и работа писателя пойдет насмарку.

Например, сюжет повести «Красные листья» крайне несложен: у границы, в овраге лежит польский шпион-перебежчик, невдалеке от него в кустах находится пограничник, по ту сторону границы стоит польский жандарм. Эти три человека думают каждый о своем. Ничего не случается. Читатель следит за мыслями трех совершенно различных людей и рельефно представляет себе каждого из них. Развязка наступает в последней главе: пограничник задерживает нарушителя. Все содержание повести заключено таким образом в психологию героев, а событие — задержание нарушителя — является только выводом, подтверждающим произведенный автором психологический анализ.

Курочкин работает теперь в углубленно-психологической манере. Вместе с тем он расширяет диапазон своих тем, пишет и о детях («Слуховое окно»), и об испанских летчиках («Наездник из Кастилии»), и о советском интеллигенте, сумевшем вырваться из сетей, которые расставила ему иностранная разведка («Агартейна»).

Сейчас Курочкин закончил новую большую повесть «Сложная история», посвященную проблемам быта, семьи. Повесть отличается углубленной психологической разработкой характеров, острой проблемностью и несомненно вызовет еще более жаркие споры и разноречивые оценки, как «Мои товарищи». Однако говорить об этой вещи еще рано.

Ю. СЕВРУК

Комсомольские номера ленинградских журналов

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В десятой (октябрьской) книжке «Звездочки» большой раздел посвящен двадцатилетию ленинско-сталинского комсомола «Огнивные славы родины». Сюда вошли стихи и очерки о советских летчиках, о комсомольцах-артиллерах, о комсомольцах-строителях ледокола «Иосиф Сталин», о комсомольцах-мореплавателях и т. д. В этом же номере «Звездочки» напечатано начало романа «Неуч» — дебют молодого литератора Г. Алехина.

Десятая книжка «Литературного современника» открывает статью секретаря Куйбышевского района ВЛКСМ Т. Романова — «Комсомол, овладевающий культурой». В номере много материалов о самоотверженности и преданности социалистической родине комсомольцев-патриотов. Целком напечатан роман П. Калицына о советской спортивной молодежи — «Боевые» (роман уже вышел отдельным изданием в Ленинградздате). Комсомолу посвящены и стихи.

Комсомальцы одного завода

1. СВЕРСТНИКИ

Смуглая девушка с блестящими глазами внимательно слушала пожилого, маленького роста работнику.

— Вот, дочка, — женщина смутилась, ватом быстро поправилась, — вот, Зинаида Тахонова, дело-то какое...

И она рассказала девушке о своих заботах: медленно допрашивают ясли по Казанскому шоссе, детских врачей не хватает, и все это должна взять под свое наблюдение Зинаида Федорова — депутат Верховного Совета.

Затем вошла Тоня, восемнадцатилетняя Тоня, которая в письме к Зине Федоровой просила совета, как ей лучше осуществить свою мечту — поступить в военную школу летчиков. Желание обычное, дальнее — стране нужны хорошие летчики и штурманы. Но в письме были только восторженные строки, и Федорова вызвала к себе Тонию.

— Вот ты какая, — с улыбкой сказала Зина. — Наш будущий летчик!

Но чем внимательнее Зина слушалась в тоне рассказа, тем яснее ей становилось: девушке нужно учиться, прежде всего учиться. Пять классов — это очень и очень мало для летчицы-штурмана. Надо подтянуть, Марина Раскова свою мечту осуществляла единственно правильным путем — упорно учиться и учиться. Если Тоня твердо решила стать, подобно Марине Расковой, штурманом, она должна пойти тем путем, который ближе других приводит к цели, — всю свою энергию направить на учебу.

Девушка была явно разочарована таким советом. Зина ей увидела по ее нахмуренному лицу. Она обняла ее и закружила с ней по комнате, — две девушки: смуглая, темноволосая Зина и притихшая, с опущенной головой Тоня.

— Ты помнишь, тебе всего только восемнадцать лет! А в эти годы самое трудное дело является легким.

Зина говорила с таким внутренним убеждением, что Тоня задыхалась: «вот хитрая, всего только на пять лет она старше меня, а слава о ней бежит по всей стране».

— У каждого свой старт, — продолжала Зина, — ты держишь курс на десятилетку, а я на Промкадямки. Идет?

Тоня тихо вздохнула и доверчиво взглянула ей в глаза. Промялась, она обещала подумать над словами Зины.

Почти депутаты в этот день была небольшая — всего шесть писем. Одно письмо было с Дальнего Востока. Зина подошла к окну и развернула крупно исписанные листы. Читая и перепечатывая строки письма, она представляла себе высоту Амур-обсерватории и ту маленькую сотку, которую бойцы прозвали Бомоной, потому что в жаркие часы сражения, когда японцам приходилось особенно туго, оттуда, из-за сопки, слышалась торжественная и грозная молитва...

«...Когда у людей есть идея, когда они знают, во имя чего они идут в бой, — они обязательно побеждают. Отсюда и массовое героизм у Хасана».

Когда-то и я, да и не только я, — все ребята моего поколения с сожалением думали о том, что время гражданской войны миновало, что мы не попали в бой. Этим мы болели в том возрасте, когда, как говорят, склеивают ветви, чтобы дать новому дереву жизнь и нужное направление. Помнишь, с каким увлечением мы читали и выносились судьбы Павла Корчагина? Эту книгу с увесом собой на Дальний Восток. В первый раз я читал ее всю ночь напролет. Уже светало, когда я прочел всю книгу. И такое разобрано меня чувство, и так во мне все горело, что я сел и написал Николаю Остроумову письмо. Думал написать много, а вышло коротко. «Друж Николай! Скоро рассвет. Только-что закончил читать твою книгу «Как закалялась сталь», не могу уснуть. Через час пойду на работу в первую смену».

Сколько мыслей вылезало во мне эта книга!.. А помнишь то место в книге, когда Павел Корчагин придвинул к огню костра седло, усеяла на него и читал бойцам «Обвод» Войнич. А когда он прочел о гибели Овода, бойцы долго молчали. Один из них сказал: — Есть, значит, на свете такие люди. Так человек не вытерпел бы, но как за идею пошел, так у него все это получается. А помнишь — Долорес Ибаррури прислала своему сыну Рубену письмо? Рубен тогда работал у нас в инструментальном цехе. Мать писала ему из осажденного Мадрида. Это было 7 ноября 1936 года — в тяжелые дни Испанской республики. «Абаниас погиб смертью героя при штурме Ла-Монтанья. Ты хорошо знаешь эти казармы, расположенные близ «Пласа д'Эспанья», на которой стоит памятник Дон-Викенте... Мы все же победили! Быть может, мы все погибнем в этой борьбе, но ты, мой сын, будь силен. Помни о нашем идеале, будь готов бороться, не ослабевая, будь готов пожертвовать собой за наше дело. Перед тобой Амалия, что я себя хорошо чувствую. Вам двоим передаю мою любовь и мои надежды».

Неожиданно с большой живостью перед Зинкой всплыли недавние годы и события. Школа на Ворошиковской улице, затем фабрика, первые друзья, первые радости и печали. Больше всего она дружила с Зоей Киреевой, Лией Литвиновой, Аней Худковой, Леной Николаевой, Митей Чернышковым, Тоней Никольским.

А потом они все вместе пришли в механикоборочный цех автозавода. Встретил их мастер Арсений Арсеньевич, — седой, сердитый с виду старик. Они обились вокруг него дружной стаей. Арсений Арсеньевич окинул их взглядом и ужаснулся: «Мелкоштаный народ. Девочки, Детский дом. Что я с ними буду делать?».

Но дело нашлось. Хмуро и недовольно старик сунул им бракованные резцы для заточки. И когда они заточили их и заточили неплохо, старик чуть-чуть похвастался. «Ну, вы, дело, кажется, пойдете».

На товарином стане Зина обрабатывала поршень. К тому времени, когда работница Лазутина выдвинула ее канистру в депутаты Верховного Совета РСФСР, Зина уже была старшим мастером цеха и комсомольским организатором.

Это было во дворе завода. Двадцать пять тысяч человек ждали ее ответного слова. В толпе, ближе к трибуне, она увидела своих друзей — техника Зюю, плашборщницу Лизу, техника Аню, секретаря цехового комсомольского комитета Митю Чернышкова, технолога Влара, Арсения Арсеньевича... Не было только Толи Никольского, служившего в погранчастях, и Веры Лейбман, уехавшей по призыву Валентина Хетагуровой на Дальний Восток. Зина подошла к краю трибуны и, волнуясь, рассказала свою историю, которая протекла у всех на виду.

— Я принимаю ваше доверие, — сказала Зина, — как доверие к партии большевиков и комсомолу, которые воспитали меня, как доверие молодому поколению, у которого нет иной жизни, чем жизнь и борьба для блага народа.

Домой ее провожали друзья, сверстники. Она жила в маленьком двухэтажном домике на Малых Каменщиках. В этом доме она родилась в 1915 году — дочь няньки и колхозника.

Пять тысяч четыреста комсомольцев работают на московском автомобильном заводе имени Сталина. Это молодые люди самых различных специальностей — слесари, кузнецы, наладчики, мастера, инженеры. Свыше 2.300 комсомольцев имеют среднее и высшее образование.

На этом заводе зародилась идея подарков родине в честь 20-летия комсомола. По мысли инициаторов, подарком родине мог быть новый стахановский успех у станка, новая конструкция машины, новое произведение искусства, овладение военной специальностью. И самое главное — подарок должен был нести в себе наивысшее творческое напряжение воли и ума, страсти и энергии. Творческий почин комсомольцев одного завода получил широкий размах и был подхвачен всей страной.

В своих очерках я рассказываю о некоторых эпизодах из жизни автозаводских комсомольцев.

2. КОНСТРУКТОР

В августе настала пора воспоминаний. Однажды в полдень из комсомольского комитета пришел рыжий, веселый паренек и вручил конструктору Касаурову пригласительный билет. Его пригласили на собрание старых комсомольцев.

Касауров бережно положил бумажку на синюю кальку. Он сидел тихий, задумчивый. Полубезыбытые воспоминания молодости внезапно нахлынули на него. В ящике письменного стола он разсыпал острейшие бумажки тонкую, обыкновенную ученическую тетрадь. Из тетради выпали вышедшие фотографии, обложки пожелтевших газет времен гражданской войны, мандаты с грозным обращением — всем, всем, всем...

С обидой от волнения сердце он долго разглядывал маленькую, пожелтевшую и расплывшуюся от времени фотографию. Вот он стоит, худощавый паренек с восторженным взглядом, в равном пальтишке, перекаченный крест-накрест пулеметными лентами. Он уже тогда был комсомольцем. Это было в те дни, когда его звали в ЧОН. А на другой, еще более полюбившейся фотографии, он сидит в кругу своих товарищей в длинной шинели, обмотках и непомерно больших башмаках. Это было перед уходом на фронт — на Деникина.

Сохранились стихи, поразившие его воображение, всего лишь пять строчек, которые он где-то вычитал, переписал и всюду возил с собой:

Мы пойдем без страха,
Мы пойдем без дрожи,
Мы пойдем навстречу грозному врагу,
Дело утешительное — дело молодежи.

Горе, кто на чуждом, черном берегу!
Еще одна фотография — в распахнутой шинели он сидит с товарищами на широких каменных ступенях лестницы. Над ними возвышаются внушительные колонны Технологического института. Вид у парней такой, словно они только-что одержали победу и расположились бивуаком в завоеванной местности.

Это уже были годы студенчества. С восточного фронта Касауров вернулся глубокой осенью 1920 г. В аудитории было холодно, грязно, неудобно. Да и лекции были толикому было читать. Кое-кто из профессоров обещал к Деникину и Врангелю. Их надо было во что бы то ни стало вернуть к научной, преподавательской работе. Выше красноречивых, комсомолы и коммандиров, которых партия послала учиться, подготовились между собой и решили, что надо найти на юге России обещавших профессоров и убедить их возвратиться к занятиям. Миссию эту должен был выполнять Касауров. Его снабили тремя буханками хлеба, солью и мандатами. И он обещал год подорок лет, что он отец двоих детей, что его приглашают уже как ветерана на собрание старых комсомольцев, где он должен будет рассказать о том, что ему дал комсомол... С волнением и теплотой он думал о комсомоле, о боевом содружестве молодежи, принявших его в свои ряды почти два десятилетия назад и которому он обязан был всем, чем он владеет, всем, чего он достиг.

своего неожиданного визита. Профессора настроен отказались возвратиться к научной работе при большевиках, Касауров настаивал. Профессора грозили покинуть самоубийством, если их повезут на родину. Касауров уговаривал, убеждал, доказывал, что если вы действительно дороги интересам науки, то они должны, обязаны вернуться в институт, учить молодежь, читать лекции и тогда, с течением времени они убеются, как золотым и теплым все разговоры о «заворачивании большевиков».

Тощий, желчный математик с худой, тоненькой шеей вскинул быстрыми руками и зло закричал: молодой человек, я стар, что бы флиртовать с советской властью!

Теплотехник и химик уныло молчали. «Этот рыжий чорт, — не сводя глаза с математика, думал Касауров, — этот рыжий чорт — главный заводило. С ним надо подделкатей. Вид у них обмарпанный — у белых не сладко жились... И Касауров не ушел. Упрямо, настойчиво он отговаривал их возвратиться к научной работе. Профессора молчали. Касауров стоял у дверей и всем своим видом давал знать, что он отсюда не уйдет, не добившись своего. В комнате было холодно. На столе обильная свеча. Касауров избегал смотреть на профессора, ему казалось, что, взглянув ему в глаза, они поймут, что переживает в эти минуты бывший красноремец. Тихим, терпеливым голосом он заговорил о миллионах людей, полыхающих из тьмы одиночества и тупости в знаниям, о стране, которая впервые в истории человечества строит новую жизнь на подлинно научных началах.

Профессора были злы и голодны. Касауров поставил на стол зачерствевшие буханки хлеба, затопил печку и напоил профессоров морковным чаем. К рассвету профессора согласились ехать. Не медля ни одной минуты, Касауров отвез их на вокзал и с трудом отвозил для них места в теплушке.

Поезд шел медленно, больше трех суток. Профессора заблудились в угол теплушки, молчали. Молодой человек в шинели всячески оберегал их покой. На станциях бегал за экипажем, чтобы накормить их, менял соль на хлеб... Они медленно отходили и уже не ворчали. Желчный, злобный математик, как птица, нахмурился и забился в угол.

Касауров не беспокоил его. «Привыкнет, поймет», — думал он о математике и всеял при мысли о том, как в институте рады будут, что он привез профессоров.

Перебирая старые фотографии, записки, мандаты, Касауров вновь переживал далекие, но близкие сердцу события. Странным и удивительным казалось, что ему уже подорок лет, что он отец двоих детей, что его приглашают уже как ветерана на собрание старых комсомольцев, где он должен будет рассказать о том, что ему дал комсомол... С волнением и теплотой он думал о комсомоле, о боевом содружестве молодежи, принявших его в свои ряды почти два десятилетия назад и которому он обязан был всем, чем он владеет, всем, чего он достиг.

Герой Советского Союза тов. И. Лакеев в встрече с пионерами во Дворце культуры завода им. Сталина.

4. СЫН

Карпов получил письмо от своего сына Сергея. Отец был на заводе, когда Павла, дочь Карповых, позвала ему и сказала, чтобы он немедленно после работы приходил домой.

— Или что от Сергея есть? — встретившись спросил отец.

Да, письмо было от Сергея, короткое, в две строчки.

«Здравствуйте, дорогие родители — папа и мама. С прищепом — ваш сын Сергей. С 4-го августа наша часть участвовала в боях с японцами, а в ночь с 6-го на 7-е я был ранен осколком вражеского снаряда в правую ногу выше колена и в правую руку. Чувствую себя хорошо — на ногу дохну, а рукой пишу, хоть и плохо еще, — это вы сами видите. Раны мои заживают. О нас заботится вся страна, чтобы мы скорей выздоравливали. Эта забота очень нас трогает...»

Трижды и четырежды Карповы читали и перечитывали серьезные строчки. Он писал о своих товарищах по взводу, об их отваге и героизме. О себе, о том, как он сражался, Сергея почти ничего не сообщал. Но не написали его товарищи по боям — комсомол и комитет части.

По требованию рабочих, эти письма были помещены в цеховой стенной газете «За инструмент». Вот они:

ПИСЬМО ИЗ 1-й ОТДЕЛЬНОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ АРМИИ:

«Дорогие!

Нам, бойцам, командирам и политработникам 1-й Отдельной краснознаменной армии выпала великая честь — в числе первых отразить врага, ответить совершеннейшим ударом на наглую провокацию японской военщины, пошедшей нарушить священные границы нашей родины».

Мало кому из самураев удалось уйти от мерзкого огня наших пулеметов, от наших танков и самолетов.

Советские патриоты, беспредельно преданные партии Ленина — Сталина, смело шли в бой. Вместе с ними отважно сражались ваш сын, т. Карпов Сергей, кото-

рый показал мужественную отвагу и героизм.

В этом бою ваш сын, т. Сергей был ранен. Он сейчас выздоравливает, чувствует себя хорошо, бодро.

Мы полны гордости и радости за великую страну, за советский народ, создавший непобедимую Красную Армию.

Да здравствует творец счастья народов — великий Сталин!

Да здравствует наша великая доблестная Красная Армия и ее первый маршал Советского Союза товарищ Ворошилов!

Военком части КАПИТОНОВ,
Командир части КОЗЛОВ.

ОТВЕТ СЕМЬИ КАРПОВЫХ

«Военному части т. Капитонову
Командиру части т. Козлову

Мы получили ваше письмо, где вы пишете о нашем сильном горе, сражающемся с японскими самураями, защищая свою священную родину.

Мы глубоко тронуты теплой заботой и лаской к Сергею со стороны командования части. Такое внимание к человеку может быть только в нашей стране Ленинна — Сталина.

Провожаю Сергею на Дальний Восток, мы наказывали ему: «Будь верным сыном своего народа, преданным делу партии Ленина — Сталина, делу коммунизма».

Сергей на деле доказал преданность нашей великой социалистической родине.

Мы гордимся тем, что наш Сергей героически вел себя в бою с японской военщиной. Он вместе со своими товарищами с честью выполнил задачу — выгнал врага со своей родной земли.

Еще раз примем искреннюю благодарность за обязательное внимание и заботу о нашем сыне.

Да здравствует могучая и непобедимая Красная Армия и ее первый маршал Советского Союза тов. Ворошилов!

Да здравствует великий Сталин!
Карпов — отец, Карпова — мать и Карцева — сестра.

5. П О Э Т

Николай не говорил поэту. Он прекрасно понимал, что поэзия — дело очень тонкое и сложное. И Николай терпеливо ждал, когда поэт создаст свои стихи — свой подарок родине. Он не связывал поэта ни темой, ни сроками.

Поэта звали и любили на заводе. Порою ласково и беззащитно, но всегда верно и правильно он воплощал в стихах мечты и чувства людей, с которыми работал бок о бок.

Сперва поэт обязался написать стихи об Ушкалове — молодом кузнеце, который в свою очередь говорил родине покаяно. Поэт хорошо знал Ушкалова — трудолюбивого, скромного комсомольца, упорного в своих желаниях и стремлениях. В обихуде Ушкалова не было ничего яркого и резко бросающегося в глаза. Он хорошо делал свое дело — ковал коленчатые валы и окружающие учились у него точности и аккуратности в работе.

Но чем больше поэт думал об Ушкалове, тем сильнее в нем росло желание показать молодого человека нашей стране — пытливого, юного духом, смелого в своих мечтах и стремлениях. Именно таким он возник в представлении поэта, и он назвал его: двадцатилетний.

Свои стихи поэт читал Николаю, секретарю комсомольского комитета, когда они остались в комнате один-на-один.

От плетей не ломит плечи, Минувало он этой доли, Солнцем путь его расцветен, На родной земле раздолье, Гордо голову он поднял И тряхнул по-молодечьи.

На любой готовый пошлет Рали родины советской, Над лесами, над озером, Может он летать, как сокол, С танка или самолета Пожарит врага с налета, Если взрвет непогода, Сквозь бурю пойдет и тучи, Сквозь листвен и безгоды, Рали родины могучей.

И счастливым, и спокойным, Весел взор его и светел, По земле — красивый, стройный, Он идет двадцатилетний.

Поэт замолчал. В комнате было тихо. Николай смотрел в окно, в осеннем воздухе кружились листья, небо было чистое, голубое.

— Будь жив, поэт! Твой подарок, — Николай улыбнулся, — твой стихи комсомольский комитет принимает. Но помни одно, — деликатно, чтоб не задел самолюбие поэта, он дал ему совет, — пусть в своей поэзии бушует страсти, живые чувства и мысли, пусть стихи твои идут от сердца к сердцу...

Стихи записал Николай непохожим, мобилизованным, как он их мысленно называл. Но ему не нравилось, что молодой

человек выглядит в стихах каким-то чересчур веселым, красивым, спокойным, легковесным и бездумным. Особенно ему не понравилось слово «спокойный». Нет, не спокойствие, а страсть, энергия отличают настоящего молодого человека наших дней, жажда знаний, умение взглянуть вперед. Ему чудно самолюбие, оно не только и не должно быть, дерзость, нежность жизни — перестраивать мир, жить и творить для партии, для народа.

Молодого человека прошлых поколений всегда преследовал разлад между мечтой и действительностью. Едва он становился на ноги, как уже крылья у него были порваны.

Николай вполне читал лермонтовские стихи о молодом человеке прошлого, чья жизнь была пасмурной, а будущее — или пусто, или темно...

Какой же силой должны обладать стихи о молодом человеке советской эпохи — о нашей гордости, славе и надежде!

В комнату неожиданно вошел Павел Остроумкин — начальник молодежного корпуса кузнечников. Николай почему-то сконфузился и торопливо протянул ему руку.

У Николая был такой странный вид, что Остроумкин удивленно спросил: — Что с тобой случилось?

— Ничего особенного, — уклончиво сказал Николай. — Кстати, ты некогда не писал стихов?

— Что ты?! — обиделся Остроумкин. — Я же пишу два-три строчки, и в кузнице и в Промакадемии!.. Когда я уезжаю из цеха в академию на лекции, я с большим трудом переключался, мыслями на лекцию и математику. По ночам мне снятся ледяные детали — то станку, то передняя ось... А ты требуешь стихов!..

— Я не требую, — возразил Николай, — я жалею, что ни ты, ни я не умеем писать стихов. Если бы я был поэтом...

Задумчиво смотрел он на своего друга и товарища. Да, если бы он был поэтом, он создал бы поэму о молодом человеке, который знает, во имя чего он живет, который любит, страдает, борется и побеждает. Почти два десятилетия назад Ленин говорил о современном образцовом человеке, который связывает каждый шаг своего учения и воспитания с непрерывной борьбой за укрепление и завершение коммунизма. О таком молодом человеке мечтал Ленин. Такого человека воспитывала партия, Сталин.

Б. ГАЛИН.

Москва, Автозавод имени Сталина.

Литературная газета № 60

3. ВСТРЕЧА

Иван Лакеев, маленький, коренастый летчик с красным обветренным лицом, проворно забежал по ярко освещенной лестнице Дворца культуры. Вслед за ним прибыли и другие комсомольцы — сержанты Марина Козолупова, шлангист Яков Флиер и гроссмейстер Михаил Ботвинник. Несколько позвонивших студентов Тимирязевской академии — бывшие трактористы, комбайнеры и доведовы.

Секретарь комсомольского комитета Николай Гинзбург возлагал большие надежды на эту встречу, — встречу знатных комсомольцев с молодежью автозавода. Больше всего Николая беспокоила одна мысль: как сделать так, чтобы все было просто и без казенщины, чтобы встреча с знатными комсомольцами началась не в момент открытия торжественного заседания, а с первой же минуты их прихода во дворец. Но он напрасно волновался: все образовалось как-то само собой, без официальных заседаний и торжественных слов.

Девушка в белом платье — Марину Козолупову — окружили пионеры. Они сперва поговорили с ней о том, о чем, но разговор явно не клеится. Когда же Марина извлекла из футляра скрипку, пришла ее из добродому к плечу и провела смычком по струнам, — лица девочек и мальчиков внезапно просветлели, стали нежно-грустными.

Тимирязевцы стояли тут же, тесно прижавшись друг к другу, пригнитые, увлеченные игрой девушки в белом платье. Их оробевшие руки, широкие плечи и загорелые лица еще носили на себе следы недавней работы в поле.

Одно из них — русоволосого юношу это-то из комсомольцев принял за Юлию Борина, знаменитого комбайнера с Кубани. Но потом выяснилось, что это не Юстина, а Боря — тоже очень неплохой комбайнер, друг и товарищ Юсты Борина, с которым они вместе учатся в Тимирязевке.

Маленький, веселый и общительный летчик Лакеев ходил, чуть перебиваясь. И в виду, где бы он ни появлялся, он вносил с собой атмосферу простоты и дружбы. Три ордена, украшавшие его грудь, привлекли к нему комсомольцев, особенно пионеров, которые, точно заверженные,

На вечерней встрече молодежи автозавода имени Сталина с знатными комсомольцами. На снимке (справа налево): Яков Флиер, Марина Козолупова, секретарь комсомольского комитета Николай Гинзбург, Иван Лакеев, Михаил Ботвинник.

вглядывались в его обветренное от частого пребывания на воздухе лицо. Ведь это был один из тех людей, о которых мечтает молодое поколение, один из тех, чья жизнь захватывает воображение и вызывает вопросы: как же стать Героем Советского Союза, какие черты характера надо развивать в себе, что способствует тому, что человек совершает подвиги, прославляет себя и родину.

Поднявшись на трибуну, Лакеев передал молодежи автозавода привет от комсомольцев, летчиков-испытателей и рассказал краткую историю своей жизни.

— Я никогда не забуду того дня, — говорил Лакеев, — когда 15 лет тому назад ленинский комсомол дал мне первую нагрузку — вожаком пионерского отряда. С этих пор начинается моя общественная жизнь.

Какого бы этапы в своей жизни Лакеев ни касался, он неизменно говорил о комсомоле, о партии, которые воспитывали и закаляли его.

Юношом он пришел в летную школу, но медленная комиссия забраковала его.

— Дело прошлое, и теперь мне не стыдно

рассказать истинную причину, почему меня не пропустила медицинская комиссия.

Раздался огульный хохот, когда, подняв два пальца, Лакеев смиренно сказал: «Не хватало двух сантиметров для требуемого роста».

Райком послал его на рабфак, а по окончании рабфака — в Электромеханический институт. В 1931 году его призвали в Красную Армию. В райкоме его спросили, какой род оружия он хочет избрать.

— Конечно, авиацию! Но, предупреждая: я уже однажды шел в летчики и не прошел... Почему?

Он покраснел и хмуро сказал: «Ростом не вышел, двух сантиметров не хватает».

И все же его послали в авиацию. Все сошло благополучно, и он стал летчиком-испытателем. Вот тут и развернулся его способности высококультурного летчика — волевого, хладнокровного и решительного человека, вкладывающего в летное искусство все свои знания и страсть.

— Быть летчиком-испытателем — это значит молниеносно истреблять врага. Я усиленно тренировал себя...

Когда его наградили первым орденом Красного Знамени, он сказал: «Этот орден нужно отработать». Вскоре его наградили вторым орденом Красного Знамени, и он сказал себе: «Я в долгу перед партией и правительством».

М. И. Калинин, вручая ему орден, улыбаясь, сказал:

— Надеюсь, мы еще с вами встретимся. И они действительно встретились. Иван Лакеев блестяще выполнял специальное задание правительства, и его наградили орденом Ленина, ему присвоили звание Героя Советского Союза.

— Мой орден всецело принадлежит партии, комсомолу, народу, Сталину, — так же, как вся моя жизнь.

Он положил маленькую, крепкую руку на орден. Под ним билось сердце, горячее сердце комсомольского большевика.

Все очень просто, — летчик говорил серьезно, без тени бахвальства, — все очень просто... Главное — поставить себя пель в жизни и достичь ее трудом, талантом, упорством. Правда, ко всему этому требуется одно: жить в такой стране, как наша, иметь такую партию, как наша, иметь такой комсомол, как наш ленинско-сталинский комсомол!

Его слова подтвердили Яков Флиер, Михаил Ботвинник и бывшие комбайнеры, ныне студенты Тимирязевки, рассказавшие о своей жизни.

Яков Флиер сел за руль. Он чуть склонился, помедлил, точно о чем-то раздумывая. И мощная волна звуков обрушилась на зал.

Николай слушал, полузакрыв глаза, крепко сжав руки. Обрывки каких-то мыслей пронеслись в его сознании, затем все исчезло, и он увидел комсомольца Воловича, от которого утром была получена телеграмма с Дальнего Востока. Писал бывший токарь завода. «Прочитай ваше обращение к комсомольцам нашей родины, я беру на себя обязательство остаться в погранчастях на пожизненную службу. Это будет мой скромный подарок матери-родине».

И хотя Николай никогда не был на Дальнем Востоке, но в эти минуты захватывающей игры воображения рисовало ему дальневосточную осеннюю ночь, ветер, проносящийся над сопкой, шелест листьев и поношу, слышимого с темнотой и прислушивающегося в шорохах ночи...

Молодая армянская литература

Ленинско-сталинский комсомол на два года старше советской Армении. Комсомол Армении не раз показывал много примеров храбрости и героизма в священной борьбе с врагами народа за освобождение Армении от гнета диках дашнаков, внутренних и внешних врагов.

Советская власть принесла Армении мир и возможность национального обновления. Окреп богатый свободный народ. Комсомол — ленинско-сталинское племя молодежи — показал исключительный энтузиазм.

Немалую роль играло наше комсомольское племя в деле создания армянской советской литературы, особенно за последние годы.

Новое комсомольское поколение в армянской литературе смело борется за высокую культуру. Вот наши молодые поэты: Шираз, Борьян, Херанян, Г. Айриян, Арамуни, Силва Капутикян, Генрих Туманян, Сако Саркисян, Григор Аргунян, В. Карапетян.

Поэт Шираз в этом году издал поэму «Страна солнца», поэт Херанян — сборник стихов. Следует особенно отметить стихотворное письмо молодых поэтов Армении великому Сталину, написанное по поводу согласия вождя и его верных соратников тт. Молотова и Микояна баллотироваться в округах Еревана в качестве кандидатов в депутаты Верховного Совета Армянской Социалистической Советской Республики.

Молодые поэты, выражая мысли и чувства армянского народа, обращаясь к великому Сталину, пишут:

О, солнце наше, мудрый Сталин,
любовь и голос наш тебе,
Тобой согрет народ армянский, и он
привет свой шлет тебе!
Сердца трудящихся раскрылись,
как розы яркие в весне,
Их радость бурно и безмерно
разлита всюду и везде.

В этом поэтическом письме поэты, рассказывая об историческом пройденном пути армянского народа, о его тысячелетней тяжелой борьбе против иноземных завоевателей и отечественных тиранов, показывают, что только советская власть, только Ленин и Сталин дали свободу нашему героическому народу и что освобожденный народ беспредельно верен и предан своему вождю.

Даровитые поэты Шираз и Херанян написали поэмы о Ленине на основе советского народного эпоса «Сказ о Ленине».

Поэт Шираз в «Намем счастья», рассказывая о прошлом армянского народа, о его борьбе с паризмом, показывает, как этот народ окончательно нашел свое освобождение в идее советской власти.

Поэт Херанян в «Гениальной поэме» поет о том, как великий Сталин работал над Бониступней.

В литературу пришли за последние годы молодые прозаики — Тапалыян, Шабаз, Дарян, А. Григорян, Стафа, А. Овсепян, А. Шаген.

Тапалыян в своих романах «Виктория» и «На рассвете жизни» освещает победу волею народного строительства, рост новых людей, показывает разгром врагов народа.

Появился ряд способных драматургов. Драматург Араксман написал историческую драму «Эмануил» о жизни великого демократа 60-х годов Михаила Нальбанцьяна. Нальбанцян связал судьбу армянского народа с судьбой великого русского народа и только в этом находил возможность освобождения армянского народа.

Пьеса Араксмана в постановке заслуженного деятеля искусств Аллемана в Государственном драматическом театре Ленинского района пользуется большой популярностью.

Интересна драма Мелик-Бочаряна «Слепая музыкант». Слепая музыкант — бывший герой гражданской войны, в боях за советскую власть был взят врагами в плен и ослеплен. Однако, он не погиб. Он не умирает от голоду и не идет нищенствовать. В годы советской власти он становится талантливым музыкантом.

Об. МЕЛИКЯН

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Из картин Натана Альтмана, выставленных в Московском клубе писателей.

ПЕРВЫЙ КЛУБНЫЙ ДЕНЬ

Недавно в Московском клубе писателей состоялся первый «клубный день» в этом сезоне.

Обычно первый вечер дает тон всему сезону. И в этом смысле его нужно признать удачным. Молодые и зрелые прозаики, поэты и драматурги были гостеприимными хозяевами. Художники, музыканты и артисты, люди искусства и науки — гости. Остроумные шутки, интересные беседы, радостные встречи дополнили программу вечера.

В верхних залах клуба Натан Альтман знакомил писателей и гостей со своими работами. Три комнаты сплошь усеяны картинами талантливого художника. Здесь и ранние произведения, и нарисованные работы, и рисунки последнего времени. Среди ранних работ выделяются «Автопортрет» и «Портрет бабушки», отмеченные лотой 1908 года. Много пейзажей. Особенно хороши — осенний нормандский и ленинградский. Хороши также портреты. Подолгу останавливаются зрители у «Портрета женщины в серой рубашке». Вызывает восторг у публики написанный с юмором портрет мажика.

Начинается программа. Квартет им. Бетховена (Д. М. Пыганов, В. П. Ширинский, В. В. Борисовский и С. П. Ширинский) исполнил по рукописи новый квартет Д. Шостаковича. Напряженный интерес вполне понятен: от оларенного композитора после 5-й симфонии все ждут новых творческих успехов. Ожидания слушателей оправдались. Высокому качеству исполняемого произведения соответствовал высокий класс исполнителей. Зал горячо приветствовал квартет.

Первое заседание Совета ВУАП

26 октября состоялось первое заседание совета Управления по охране авторских прав. Открыл заседание т. Фадеев, указавший на большие задачи, стоящие перед советом. В обсуждении приняли участие: А. Толстой, А. Фадеев, А. Корнейчук, Р. Глиер, К. Тренев, Вс. Вишневский, А. Канлер, М. Козаков и другие.

Совет принял важное решение об охране произведений от копирования при ис-

полнении их в репринтных предприятиях и при опубликовании в печати. Для лучшего сбора авторского гонорара совет управления постановил создать самостоятельное Управление по охране авторских прав по РСФСР.

Совет избрал президиум в составе: А. Толстого (председатель), А. Корнейчука, К. Тренева (заместители председателя) и Р. Глиера. Ответственным секретарем избран А. Сурков.

Александр Невский

Ночью мы приехали на Потылиху, чтобы повидать заслуженного деятеля искусств режиссера С. М. Эйзенштейна и узнать, как идет съемка фильма «Александр Невский».

Удивительный вид имеет Потылиха в ночные часы. В стороне от шоссе сверкает огонь павильонов, и белое здание Мосфильма в осенней мгле похоже на огромный парол, плывущий в океане.

Днем, при свете солнца, здесь происходят шумные съемки, а ночью тихо, безлюдно, и призрачный гость, направившись к огням главного здания, изумленно оглядывается со стороны. Поля, рощи и овраги окружают здание студии. Вокруг в темноте чернеют силуэты декораций: яблн, покосившихся деревьев, улпы городов, дворцы с колоннами и старинные крепостные стены.

Недавно здесь, где-то рядом, на поле происходили съемки «Ледового побоища». В пестеринной летней жаре по искусственному яду, в тяжелых шубах, в колчугах, строем и на конях двигался новгородский народ — дружинники и ополченцы. В белых плащах, в уродливых шлемах, с копиями шия и ехали тевтонские итервенцы «спы-рыцаря». Над лбами Чудского озера возвышались заснеженный скалистый Вороний камень. Александр Невский с высоты надбродило начал сражения. Несколько тысяч человек участвовало в массовках, воспроизводя эпизоды исторической битвы.

Исключительно трудные и сложные съемки были проведены с режиссурой быстрой. Под Москвой, на озере у деревни Николь-

В павильоне звукозаписи большой оркестр проводил репетиции. Напротив оркестра, как войска на параде, стояли хористы. Между оркестром и хором с партитуры в руках озвученно ходил Сергей Прокофьев. Вдур могучий хор запел:

Вставайте, люди русские...

Еще месяц назад нам пришлось слышать в высшей степени отродные отзывы о музыке, написанной С. Прокофьевым. Но то, что пел хор в павильоне звукозаписи, превзошло все ожидания.

Прекрасные отклики для песни фильма написал В. Лужовский. Она звучит торжественно, грозно, величаво и вместе с тем она проста и сильна.

Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой.
Вставайте, люди волыные,
За нашу землю честную!

Врагам на Русь не хаживать,
Полкам на Русь не хаживать,
Путь на Русь не выдвигать,
Полой Руси не тащить!

Живым бойцам почет и честь,
А мертвым слава вечная.
За отчий дом, за русский край
Вставайте, люди русские!

Эйзенштейна мы нашли в миниатюрном рабочем просмотровом зале. Как оказалось, режиссер теперь каждый день с раннего утра до глубокой ночи работает над монтажом. Странно видеть Эйзенштейна спокойным и молчаливо сидящим в глубоком кресле. Еще недавно на поле у Вороньего камня с высокой площадкой он командовал тысячами сражавшихся воинов. А сейчас, похожий в своем белом халате на микробиолога, он просматривает куски пленки, на которых Эдуард Тиссе запечатлел жестокие битвы.

Из монтажной Эйзенштейн время от времени переходит в демонстрационный зал и просматривает на экране смонтированную, только что склеенную ленту.

Возле Эйзенштейна сидел автор сценария П. А. Павленко.

А. РАСКИН и М. СЛОБОДСКОЙ.

Юбилары и юбилейщицы

От союза до Литфонда, днем и в сумраке ночей, расширяют телефоны звуки пламенных речей.

— Добрый день!
— Здорово!
— Здравствуй!
— Это я!
— И я!
— И я!
— Забылаешь, милый, пасту! —
— Мы ж с тобой одна семья. Ты молоде, — мы постарше...
— Знаю, знаю!
— Ну, так вот...

На затлке секретаршем проступил холодный пот. Ох, давно ему знакомы все звонки таких сортов.

— Я звоню к тебе из дому.
— Ну, так что же?
— Я готов!
— Ты о чем?
— Да о поэме,
— О какой?
— О моей... Я согласен перед всеми выступать под юбилей. Ты, конечно, понимаешь, нужно как-то поддержать. Я же тоже... Ты же знаешь...

Невозможно устоять! Разговор такой затеян в первый раз за много лет.

— Ты включил меня, надеюсь, в приглашений билет?
— О моих стихах, голуба, ты, конечно, не забыл?

Активисты возле трубок выбиваются из сил.

Сколько их, куда их звонят? Что так бешено сауют? Уж они не прорывают — и прочтут и пропоят. Каждый ласков и любезен, чист, как малое бебе, каждый хочет быть полезным... главным образом, себе.

От лавины предложений и активностей такой секретарь в изнеможении вытирает лоб рукой. А когда уж на расвете сам не свой уходит он, в комсомольском комитете долго звонит телефон...

Портрет с поэтом

По редакциям газет бродит юноша-поэт, фотографировать подмишкой, на груди значок «ОЗЕТ». Он идет не належке, у него стая в руке, на спине его афиша, а в зубах коммюнизе. У него цветущий вид, он пишечник и побит, он здоровается пылко, монотонно говорит:

— Получите! Я приспал вылающийся анфас, веки жизнеисписаня исключительно во все! Есть вразблещая грымля! Есть хлебная мазия! Есть обзор постановлений относительно меня! Есть...

— Постоять!
— Новый план, недоизданный роман, две рецензии о том, как...
— Погоните! Где стакан?...
— Я читал свои труды...
— Подождите! Ох! Воли!

В МОСКОВСКОМ КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

1 ноября в Клубе писателей состоялся творческий вечер В. Игнатьева. Поэтесса прочтет новую поэму «Путевой дневник».

2 ноября — декадник переводчиков.
3 ноября — творческий вечер еврейского писателя С. Росина.

4 ноября — вечер, посвященный 21-й годовщине Великой Октябрьской революции, для сотрудников союза писателей, клуба и Литфонда. Докладчик — М. Лифшиц. В концерте выступят народная артистка СССР В. Барсова, лауреат меж-

дународного конкурса Нина Емельянова, Игорь Ильинский и ансамбль народного танца.

5 ноября состоится октябрьский вечер для писателей. Доклад на тему «Октябрьская революция и советская литература» сделает А. Лозовский. В концерте участвуют лауреаты международных конкурсов Яков Флиер и Давид Ойстрах, народная артистка СССР К. Дерягина и заслуженный артист республики С. Леммев.

Эйзенштейн превращает просмотр, его вызывают слушать запись хора. По дороге в павильон звукозаписи режиссер подтверждает, что фильм будет окончательно готов к октябрьским торжествам.

Каких же образом группа, снимавшая «Александра Невского», так быстро закончила большой фильм? Работники студии объясняют так:

— Сила коллектива.

Начиная с постановщиков—С. М. Эйзенштейна и Д. И. Васильева, кончая осветителями, все с воодушевлением и с сознанием важной почетной задачи трудились над фильмом. Эдуард Тиссе — заслуженный деятель искусств, шеф-оператор, пятнадцать лет работает совместно с Эйзенштейном. Но никто из нас не был так захвачен своей работой, как при постановке этой картины.

В «Александре Невском» Тиссе, по общему признанию, дал новые шедевры операторского искусства.

Режиссер Д. И. Васильев, ставя фильм совместно с Эйзенштейном, проявил исключительную энергию и неутомимость. Художник Шинель, директор группы Викар, парторг и оператор Уралов, ассистенты, рабочие и костюмеры трудились так, как будто каждый из них персонально отвечал за выпуск и художественную ценность фильма. А значение и тема картины поэтиче велики.

«Земли родной минувшую судьбу» воскрешает фильм, и когда зритель увидит на экране борьбу свободолобного великого русского народа за родину, они вспомнят всю славную историю нашей страны со времен старой старины, от Чудского озера до озера Хасан. И вполне современно звучит в экранную речь Александра Невского к полонным немцам клятвенно:

— Ищите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости, но если кто с мечом к нам пойдет, — от меча и погибнет. На том и стоять будет русская земля.

М. РОЗЕНФЕЛД.

Литературный календарь

1898 г.

Первые литературные шаги

Я. П. Полонского

40 лет назад, 30 октября 1898 г., умер поэт Яков Петрович Полонский. В печати он выступил впервые в 1840 г. в журнале «Отечественные записки» стихотворением «Священный благовест торжественно звучит». Затем стал печататься в «Москвитяине». Университетское начальство (Полонский был в те годы студентом Московского университета) к выступлению студентов в печати отнеслось неодобрительно. Хотя Полонский не подписывал своей фамилии полностью, авторство его не осталось тайной. Инспектор стал объявлять ему балл за поведение.

В 1842 г. некий князь Мансурев, вспоминает Полонский — «задумал издать студенческий сборник, который и вышел под заглавием (моей придуманной) «Подземные ключи»; там под буквой П. были мои, еще крайне незрелые, стихотворения». Кроме Полонского, в этом сборнике участвовали Фет, Карелин, Ступинский, Яков Мансуревых, Полонскому принадлежат 10 стихотворений и большой отрывок из драмы «Ханжаров».

В 1844 г. вышел первый сборник стихотворений Полонского под заглавием «Гаммы». Об его издании поэт в своих воспоминаниях рассказывает следующее: «На мне первом пришло в голову собрать мои стихотворения, а Шелкин, сыну великого актера... — Все это надо собрать и издать», — сказал он мне. — «А на какие деньги буду я это издавать?» — «Возврати издательство по полнице», — «Как по полнице?» — «Да так, соберем человек сто подписчиков по рублю за экземпляр и изданим». Долго и нелегко велась эта полница. Даже в Английском клубе, как я слышал, не легко расставались с рублем ради каких-то стихов тех господ, которым програть несколько тысяч в карты ничего не стоило. Но как бы то ни было, денег было собрано столько, что издать мои «Гаммы» нашлась возможность, и они вышли в свет почти в тот день, когда я кончил мои последние, выпущенные экземпляры... Похвальный отзыв о моих «Гаммах» появился в том же году в критическом отделе на столбцах журнала «Отечественные записки». Это был журнал передовой и влиятельный. Для меня журнал неожиданно это громкое признание моего поэтического таланта. В глубине души своей я почувствовал то же самое, что чувствует белик, который узнал, что на лотерейный билет свой выиграл целое состояние... Во всяком случае, этот отзыв упрочил за мной место, которое никто не может отнять по своей собственной прихоти и на которое наталкивался только природа или нечто нам врожденное, нам с детства присущее».

1736 г.

Джемс Макферсон

27 октября 1736 г. родился шотландский поэт Джемс Макферсон. В историю всемирной литературы он вошел как автор замечательной мистификации — цикла поэм Оссиана, выданных им за подлинное произведение кельтского народного эпоса. Изданные им в 1760 г. «Фрагменты древней поэзии, собранные в нагорной Шотландии», а затем в 1762 и 1768 гг. — древние эпические поэмы «Фингал» и «Темора» имели исключительный успех.

Основанном восхищении Гете, Шиллер, Клопшток, Гердер, Шатобриан. Известный поэт Томас Грей, прочитав «Фрагменты», писал: «Я совсем сошел с ума от них... Я в экстазе от их бесконечной красоты». В числе книг, которые Наполеон брал с собой в походы, был эпос Оссиана — Макферсона.

Волна оссианизма, захватившая западные литературы, захватила и русскую. О 1781 г., когда впервые появился в русском переводе восторженный отзыв об Оссиане гетеевского Вертера, и до начала 30-х годов XIX в. переводы поэм Оссиана, многочисленные подражания ему и статьи о нем появляются в нашей литературе. Оссианизм поэзия отражается в творчестве Державина, Капниста, Уварова, А. и И. Дмитриевых, Нарекяева, Увелькова, Оссаева, Галкина, Вахшкова, Карамзина, Жуковского, Рылеева, Кюхельбекера, Пушкина и Лермонтова.

«Великое зарево»

К 21-й годовщине Великой Октябрьской революции студия Госкинопропаганды выпустила новую картину — «Великое зарево». Автор постановки режиссер-орденоносец М. В. Чаурели.

Герои картины — грузинский революционер Гудушаури, петроградский рабочий Ершов и украинец крестьянин Панаос — встречаются в окопах западного фронта. Они друзья. Этих людей крепко спаяла общая цель: борьба с временным правительством, борьба за власть большевиков.

В фильме показаны исторические предоктябрьские дни: расстрел польской демонстрации, работа партии большевиков в подполье под руководством Ленина и Сталина, жизнь Ленина в ссылке на Разлив. Большой интерес представляют кадры, изображающие VI съезд партии, принявший решение о востании пролетариата.

Последний кадр картины — октябрь 1917 года. Мощные колонны петроградских рабочих идут брать власть в свои руки.

В первых рядах первого пролетарского отряда шагают большевик-командант, старые фронтовики товарищи — Ершов, Гудушаури и Панаос.

Роль Ленина в фильме исполняет артист Маффе. Роль Сталина — артист Геловани.

ВЕЧЕР К. А. ТРЕНЕВА

26 октября в Центральном доме журналистов состоялся творческий вечер драматурга-орденоносца К. А. Тренева. Выступившая на вечере И. Я. Сулакис, Б. С. Ромашев, И. И. Чичеров говорили о К. А. Треневе как о требовательном и вдумчивом художнике.

К. А. Тренев рассказывал журналистам о своем соратничестве творческом пути безлестности и драматурга.

В художественной части вечера выступили артисты Малого театра и МХАТ. Рассказ К. А. Тренева «Вечная ляха» читал артист Весоозового радиокомитета А. С. Киосев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.